

НЕБО НА ПРИЦЕЛЕ

БЕЛАЯ КРЫСА • ТОМ ПЕРВЫЙ

Й. ЛЁВЕН

18+

Йоханн Лёвен

Небо на прицеле

«Автор»

2026

Лёвен Й.

Небо на прицеле / Й. Лёвен — «Автор», 2026

Дирк Кеплер, бывший боец Коммандо специальных сил Бундесвера, работает в Судане на ООН. Африка завораживает его, но со временем в бесконечной спирали нужды, войны и безнадёжности он теряет веру в гуманитарную помощь и перестаёт видеть в ней смысл. В поисках смысла он становится наемником у полевого командира, которого считает человеком чести. натренированный выживать там, где больше не действуют правила, а решения принимаются за доли секунды, когда жизнь зависит от точности, выдержки — и готовности нажать на спуск, Кеплер сначала в роли снайпера, затем — командира спецотряда, яростно и бескомпромиссно бросается в эту, казалось бы, безнадежную, кровавую битву за добро и справедливость. В этом хаосе он встречает любовь своей жизни. Но позволяет ей уйти — ради хрупкой мечты о создании мирного уголка на суданской земле. Но эта наивная мечта жестоко рушится, и Кеплер вступает в свой пока последний бой — за дорогу домой.

© Лёвен Й., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	38
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	47
Глава 17	50
Глава 18	52
Глава 19	54
Глава 20	57
Часть II	65
Глава 21	65
Глава 22	67
Глава 23	70
Глава 24	73
Глава 25	76
Глава 26	78
Глава 27	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Йоханн Лёвен

Небо на прицеле

Ради идеала многие готовы убивать.

Ради убеждений некоторые готовы умереть.

И лишь немногие готовы и на то, и на другое — просто ради жизни человека.

Часть I

Глава 1

Заснеженные вершины гор на севере переливались в лучах предзакатного солнца, словно искрящаяся преграда на пути в иной мир. В косых лучах света холмистый ландшафт перед горной цепью казался древней бронзовой скульптурой, изображающей застывшие в движении волны океана. Редкая растительность, проступавшая тут и там словно пена на гребнях волн, постепенно меняла свой зелёный цвет на оттенок старой патины.

Подобно кораблям, потерпевшим крушение в незапамятные времена, среди бесплодных холмов осыпались источенные временем постройки давно заброшенного селения. Лишь дикие звери да редкие люди время от времени наведывались в это негостеприимное место. Звери забредали сюда случайно. Люди же приходили затем, чтобы в укрытии, без лишних помех готовиться к вероломным нападениям.

Партизанская война была у афганцев в крови. Как и у их предков, одолевших Александра Македонского. Со времён триумфа над военным гением античности прошло более двух тысячелетий, и к нему прибавилось бесчисленное множество побед над другими врагами. Тем не менее, в этом южноазиатском горном государстве снова бушевала война. Или всё ещё бушевала. И поэтому афганцы по-прежнему виртуозно владели искусством нападать на врага из засады.

Однако их противники больше не бросали все силы на то, чтобы сойтись с ними в открытом бою. Они тоже научились вести войну скрытно. И вот, однажды ночью, неподалёку от разрушенного селения, словно призрачные тени, появились двое бойцов немецкого спецназа. Они затаились на склоне холма, откуда руины просматривались как на ладони.

И навели на них снайперскую винтовку.

Утром в разрушенное селение въехали три внедорожника. Быстро и скрытно из них высадились десять вооружённых мужчин. Четверо сразу же зашли в дом с полуобвалившейся крышей, в то время как шестеро остальных тщательно накрыли машины маскировочными сетями. Как только они закончили, эти люди растворились в тенях руин. И между старыми стенами больше никого и ничего не было видно.

Лишь двое бойцов спецназа знали, где находятся боевики Талибана. Сами они остались невидимыми даже для афганцев. Лохматые коричневые ленты джута на маскировочных костюмах, делавшие их контуры неразличимыми, камни вокруг, служившие им укрытием, и полная неподвижность позволили им полностью слиться с окружающим ландшафтом.

Горы накрыл палящий послеобеденный зной.

Вот уже восемнадцать часов двое спецназовцев вели наблюдение за заброшенным селением. Их взгляды были холодны и внимательны. Дульный срез глушителя снайперской винтовки Г22 был теперь направлен на дом с полуобвалившейся крышей в девятистах тринадцати метрах от них.

— Машина. На три часа, — едва слышно пробормотал корректировщик.

Стрелок скосил глаза вправо, дважды тщательно моргнул и сфокусировал взгляд на внедорожнике. Это был старый УАЗ. В восьмидесятые советы завезли в страну тысячи таких машин. Вообще-то талибы зарабатывали на наркотиках достаточно, чтобы позволить себе современные западные автомобили. Так что, если полевой командир ездил на тридцатилетнем

УАЗе, значит, он ещё не успел стать могущественным варлордом. А стать им хотел каждый талиб.

Именно за таким амбициозным главарём боевиков и охотились спецназовцы. Потому что он, дабы продемонстрировать свою силу, казнил троих пленных американских солдат, хотя за них уже был выплачен выкуп. Американцы хотели ликвидировать этого талиба и попросили о помощи. Двоим немецким бойцам отвели второстепенную позицию. Но и такие места нуждались в разведке — талибы могли прятаться где угодно.

УАЗ остановился в двадцати метрах от дома с полуобвалившейся крышей. Из него вышли две закутанные в чёрное женщины и направились в дом. Появился часовой и приказал водителю быстро спрятать УАЗ.

— Сексуальные потребности-то у всех есть, гель, — корректировщик частенько впадал в родной баварский говор. — Будь он хоть священным воином, — забавляясь, продолжил он, — хоть праведным священником, так ведь.

— Муфтием, — поправил стрелок, не отрывая взгляда от закутанных в чёрное фигур. — Это не женщины, — прошептал он. — Это он.

— Уверен? — уточнил напарник.

— Да. Эти двое двигались не как женщины. А в досье говорилось, что Хатир часто переодевается в женское. И поскольку на западе находится британский блокпост, Хатир снова переоделся, чтобы пройти через него. Вызывай.

Бесконечно медленным движением корректировщик поднёс руку к правому уху, где был закреплён наушник рации. Секунды спустя он уже говорил с оператором на борту Боинга-707, переоборудованного в летающую радиолокационную станцию. АВАКС уже несколько часов выписывал в небе вытянутые овалы в двухстах километрах к северу, ожидая именно этого радиосообщения. Кратко и по-деловому корректировщик доложил обстановку, после чего слушал в течение двух минут. Затем он подтвердил указание.

— У Б-52 попутный ветер, — сказал он затем стрелку. — От одиннадцати до тринадцати минут. Начинай.

Где-то на востоке бомбардировщик покинул зону ожидания и взял курс, чтобы обрушить на талибов американскую месть.

Стрелок, который полностью расслабился, чтобы тело не свело судорогой, начал двигаться. Он делал это так же медленно, как до этого корректировщик. Ему потребовалось три минуты, чтобы приподняться к винтовке. Корректировщик тем временем поднёс к глазам бинокль. Ещё минута потребовалась стрелку, чтобы включить лазерный целеуказатель, установленный на ложе Г22. Невидимый луч за долю миллисекунды преодолел расстояние до дома с полуобвалившейся крышей и вспыхнул слегка размытой точкой в бинокле корректировщика.

— Цель подсвечена, — прошептал тот по-английски в рацию.

Время неспешно текло, минута за минутой. Затем стрелок приподнял голову — так незаметно, что лишь его напарник смог это заметить.

— Они там что, совсем рехнулись? — прорычал он.

— Да! Выше, выше, выше! — настойчиво зашептал корректировщик по-английски.

Но было слишком поздно. Хотя бомбардировщик пролетал над горами на высоте нескольких километров, это было слишком низко, и вершины отразили гул восьми двигателей Стратофортресс. Большинство людей не обратили бы на этот звук внимания. Но не талибы. Часовой бросился в хижину.

— Сколько ещё? — спросил стрелок.

— Полторы минуты, — ответил напарник, не запрашивая бомбардировщик.

Стрелок оценивал время так же, он лишь надеялся на чуть больший запас времени. Но раз его товарищ считал так же, значит, расчёт был верен. Плавным движением он снял оружие с предохранителя, затем его указательный палец лёг на спусковой крючок. Секунду спустя

сверхзвуковой хлопок пули калибра .300 Винчестер Магнум растворился вдали, и в тот же миг она убила часового, который как раз собирался выйти из дома. Люди, спешившие выйти следом за ним, шарахнулись назад. Едва они исчезли из поля зрения его прицела Хенсольдт, стрелок повёл ствол Г22 вправо. В задней стене дома наверняка было окно, а четыре УАЗа талибов стояли за стеной к западу от постройки.

— Вернись! — обеспокоенно скомандовал корректировщик, так как больше не видел лазерную метку. Затем он проворчал: — А вот это совсем нехорошо.

Талибы действительно спасались через окно или пролом в старой кладке, потому что из-за дома выбежали несколько фигур. В то же мгновение часовые метнулись к машинам.

— Дай мне данные на левого, — сказал стрелок. — Мы успеем.

— Уверен?

— Да. Иначе Хатир уйдёт.

Корректировщик повёл биноклем.

— Дистанция девятьсот двадцать два метра, ветер у цели восточный, четырнадцать километров в час... — он заглянул в блокнот, где записывал параметры стрельбы, — ...упреждение влево полторы тысячные, вверх...

— Взял, — перебил его стрелок.

Сверхзвуковой хлопок от пули потонул в теперь уже отчётливом рёве двигателей. Секунду спустя один из бегущих к машинам мужчин вскинул руки и рухнул на землю. Стрелок передёрнул затвор. Остальные часовые тем временем почти добрались до четырёх замаскированных внедорожников.

— Бомбардировщикам нужна подсветка, — настойчиво произнёс корректировщик.

— Пусть пилот сбросит скорость, мне нужно ещё шесть секунд, — спокойно ответил стрелок. — Сколько?

— Плюс, — начал корректировщик, наводя бинокль на вторую чёрную фигуру и замеряя до неё дистанцию, — шестнадцать.

Стрелок взял поправку на половину угловой минуты вверх и выждал пять ударов сердца, пока его напарник передавал указание пилоту американского бомбардировщика. Стрелок выстрелил, и через полторы секунды второй часовой прямо на бегу рухнул на землю, проскользил ещё полметра и замер в небольшом облачке буровой пыли. Стрелок снова перевёл винтовку на дом. Мёртвые водители сделали единственный путь к отступлению непригодным, и на несколько секунд остальных талибов охватила паника. Затем они просто бросились бежать в сторону гор, используя дом в качестве укрытия.

Но американские пилоты, видимо, полагаясь на немецкую надёжность, сбросили бомбы и без лазерной подсветки. Когда стрелок повёл ствол Г22 наперерез убегающим талибам, внезапно раздался усиливающийся вой. Секунду спустя залп из пяти ГБУ-31 ударил в руины. Бомбы, каждая весом в тонну, превращённые комплектом наведения в умное оружие, усеяли площадь в сотни квадратных метров осколками своих боевых частей Мк84, в то время как ударная волна сровняла с землёй старые стены. Осколки изрешетили опрокинутые УАЗы, развалившиеся дома и поверженных людей.

После того как отгремели взрывы, стрелок и корректировщик ещё несколько минут внимательно смотрели в свою оптику.

Но смерть посетила эти руины с абсолютной окончательностью.

— И вот опять Б-52 случайно сбросил пару бомб посреди ничего. Наверняка аварийная ситуация, нехватка тяги в разрежённом горячем воздухе или типа того, — беззаботно поразмыслил вслух корректировщик и перешёл на английский. — АВАКС, подтверждаю прямое попадание. Выживших нет... Не за что. Можете сказать, есть ли в этом районе движение противника? — Прошло несколько минут, прежде чем он получил ответ. — Спасибо. Конец связи. — Корректировщик с наслаждением крякнул, потягиваясь. — Всё тихо. Ещё шесть часов.

Потом стемнеет, и они смогут уйти. Марш-бросок, полёт на вертолёте. А на базе их ждут душ, горячая еда и кровати. И через неделю их командировка закончится.

— Ты ведь на самом деле не умеешь радоваться, да? — спросил корректировщик, так как стрелок ничего не ответил. — Даже тёплой и мягкой коже Моники.

— Я радуюсь, — отозвался его товарищ. — Настолько, насколько могу.

— А сам в это время думаешь только о продлении контракта. Несмотря на Монику.

Прошло некоторое время, прежде чем стрелок ответил.

— Я ничего не умею, кроме этого, — произнёс он.

Глава 2

Ранний вечер опустился на казарму. Было тепло, дул лишь лёгкий ветер, и весенняя погода предстала во всей красе. Уже весь день повсюду царила какая-то непринуждённая расслабленность, и все суровые парни из Комmando специальных сил Бундесвера невольно и украдкой улыбались. Гауптфельдфебель Дирк Кеплер лично не особо понимал эту расслабленную безмятежность, но она ему почему-то нравилась. Вероятно, потому, что она смягчала его недовольство, не отпускаящее его уже несколько недель.

По возвращении с последнего задания, на пути от посадочной площадки к бараку, Кеплер проходил мимо американского грузовика. Его переутомлённый водитель не заметил его и тронулся с места. При этом его нога соскользнула со сцепления, грузовик резко рванул вперёд, и его бампер настолько жестоко ударил Кеплера в спину, что того отбросило на землю. Его тело тогда всё же среагировало и инстинктивно смягчило хотя бы сам удар при падении, как это бывало уже тысячи раз: Кеплер плавно сгруппировался и перекатился. И остался лежать. Он лежал, смотрел в искажённое ужасом лицо своего напарника, испуганно склонившегося над ним, и с непостижимым изумлением поражался тому, почему не может пошевелить левой рукой.

Всего несколько минут спустя всё снова пришло в норму, но к тому времени Кеплера уже отнесли в лазарет.

С тех пор он пережил настоящую одиссею. Прошёл месяц, но последствия случившегося всё ещё выводили его из себя. Его больше не допускали к боевым операциям. Сам он списывал этот сбой своей нервной системы на сочетание разрежённого воздуха, голода и нехватки движения. Однако врачи прицепились к его пониженной чувствительности. Кеплеру было на это плевать. Но его безмерно злило то, что, несмотря на множество анализов, они так и не смогли установить, что именно с ним произошло — и поэтому у него больше не было должности, и он не знал, как дальше сложится его служба в Бундесвере.

Врачи поступили правильно, он понимал, что отказ руки в бою мог подвергнуть опасности своих товарищей. И всё же он чувствовал себя отвратительно. Он был бойцом спецназа, пусть и со странным психическим отклонением, а теперь ещё и с дефектом нервной системы. Однако для государства он представлял ценность, но вместо того, чтобы починить его, врачи лишь проводили тест за тестом, в то время как в мире уже умели клонировать овец, и о заключённых зачастую заботились лучше, чем о солдатах. У Кеплера складывалось впечатление, что командование КСК просто опасалось того, что какой-нибудь оторванный от реальности политик мог бы придаться к его персоне — если бы вообще о нём узнал — когда в очередной раз пришло бы время покритиковать Бундесвер в целом и КСК в частности.

Кеплер любил свою профессию и свою работу. Он не знал ничего другого и не умел ничего другого. В гражданской жизни он мало на что рассчитывал. Поэтому он, не раздумывая, подал рапорт о продлении контракта, ещё находясь в госпитале Бундесвера в Кобленце, пока медики продолжали его мучить. Он рассчитывал на шанс остаться в КСК хотя бы в качестве инструктора. Во время своей первой командировки в Афганистан, в битве за Кора-Бора на востоке страны, он стрелял настолько блестяще, что после этого его сразу же хотели отправить инструктором в Гус-Бэй. Тогда он отказался. Теперь же, будучи инвалидом, у него не было выбора.

Вот уже пять дней он снова находился в Кальве и был готов принять любую должность, в крайнем случае даже оседлать офисный стул, лишь бы ему позволили остаться в КСК. Главное, чтобы он мог и дальше хотя бы тренироваться с товарищами в стрельбе и рукопашном бое.

Когда Кеплер, выходя из тира, увидел целенаправленно идущего к нему командира роты, на него внезапно вновь накатило то гнетущее чувство, которое он весь последний час пытался вышибить из себя стрельбой. С застывшим, словно маска, лицом майор Хебнер повёл его к кабинету командующего КСК.

Бригадный генерал фон Бутлер принадлежал к старинному воинственному дворянскому роду, выглядел как утончённый аристократ старой школы и был решительным офицером.

— Здравствуйте, Кеплер, — сухо поприветствовал он.

Кеплер отдал честь.

— Здравия желаю, господин бригадный генерал.

— Ваше медицинское заключение пришло. Садитесь.

Кеплер сел и напряжённо посмотрел на бригадного генерала. Майор Хебнер грузно опустился на второй стул и устремил неподвижное лицо и пустой взгляд в окно. У Кеплера внутри всё похолодело.

— Вас комиссуют, — по-деловому холодно перешёл к сути фон Бутлер.

Кеплер ошеломлённо уставился на него.

— Мне нельзя даже подметать вертолётную площадку? — потребовал он ответа. — Что это за игры? Шесть лет вы проедали мне плешь, что я наш лучший эксперт по рукопашному бою и снайпер, вы так рвались задействовать меня для тренировок в Канаде — а теперь вдруг расхотелось?

— Дирк, — начал фон Бутлер примирительным тоном, — из-за вашей болезни мы не имеем права допускать вас к оружию, а для любой другой деятельности вы слишком квалифицированы. — Он предвидел возражение и поднял руку, заставляя Кеплера замолчать. — И мы не можем понизить вас в звании только ради того, чтобы оставить, или специально для вас создать новую должность.

По крайней мере, он не стал добавлять, что всё это было не его решением. Кеплер поднялся так резко, что опрокинул стул.

— Я думал, мы все тут боевые товарищи, но здесь всё стало так же, как и везде, — злобно прорычал он сквозь стиснутые зубы. — Теперь у меня у самого больше нет желания оставаться в этой конторе. Вы предатели. — Он перевёл дух. — Тогда я ухожу немедленно, у меня остался месяц отпуска. Вы мне его подпишете, потому что я хочу отгулять его прямо сейчас. Подготовьте мои документы так, чтобы мне оставалось только поставить подпись. Я хочу получить все доплаты и компенсации, какие только возможны. — Он пренебрежительно козырнул. — Господин бригадный генерал.

Не дожидаясь разрешения идти, он развернулся и зашагал к двери. Открывая её, он краем глаза заметил, как Хебнер поднялся со стула.

— Кеплер, подождите, — окликнул фон Бутлер. — Если вам что-нибудь понадобится, моя дверь для вас всегда открыта.

— Могли бы оставить эту фразу при себе, — сдавленно ответил Кеплер и вышел.

Он услышал позади себя шаги, но пошёл дальше. За его спиной закрылась дверь.

— Дирк, подожди, — окликнул Хебнер. Кеплер остановился. Майор обошёл его, встал прямо перед ним и посмотрел ему в глаза. — Пожалуйста, не рассказывай об этом в казарме, — просящим тоном начал он. — И... я правда сделал всё, что мог...

Кеплер подавил свой гнев. Хебнер не хотел разрушать внутренний покой в роте, потому что, в первую очередь, напарник Кеплера никогда бы не простил КСК такого обращения с ним.

— Хорошо, — пообещал Кеплер. Внезапно он почувствовал ком в горле и с трудом сглотнул. — А ты пропусти мой рапорт о продлении через шредер.

Произнести эту фразу было самым тяжёлым поступком из всего, что он когда-либо совершал в своей жизни.

Глава 3

Кеплер вернулся в тир и получил свой личный пистолет. Несмотря на его душевное состояние, магнитные мишени фиксировали почти исключительно попадания в десятку. Но даже после часа непрерывной стрельбы знакомое чувство дома так и не вернулось.

Кеплер не хотел идти к сослуживцам, он пока не мог. Не переодеваясь, он поехал на такси в Штаммхайм. Этот район Кальва находился неподалёку от Шварцвальда, и запах пробуждающегося леса немного смягчил глухую злость Кеплера. И — постепенно ему снова захотелось ощутить тёплую и мягкую кожу Моники, о которой упоминал его напарник.

Кеплер не видел её несколько месяцев. Он лишь однажды позвонил ей из Кобленца и рассказал о своей проблеме. Он хотел увидеться с ней только тогда, когда прояснится его будущее. Что ж, теперь оно наконец-то прояснилось. Даже если Кеплер по-прежнему понятия не имел, что ждёт его в гражданской жизни. И так же не знал, что будет дальше с Моникой.

Их отношения были свободными. Даже когда Кеплер находился на базе, они виделись только по выходным, и это устраивало обоих. Монике казалось волнительным встречаться с бойцом элитного подразделения, и её никогда не беспокоило то, что они так редко могли быть вместе. Совсем наоборот: именно из-за того, что у Кеплера было мало времени, каждая их встреча становилась для обоих захватывающей и насыщенной. В этих отношениях Кеплер был счастлив — в своём понимании этого слова. Однако в последнее время Моника всё чаще морщила свой хорошенький носик из-за того, что после двенадцати лет в армии он был всего лишь унтер-офицером. Его жалование казалось ей слишком маленьким, как и его положение в обществе.

Кеплеру не нужно было звонить в дверь, у него были свои ключи от подъезда и от квартиры Моники.

Она казалась пустой. Затем Кеплер услышал голоса из спальни. Он направился туда. На пороге он остановился. Вместо одного ожидаемого человека в комнате находились двое. Одной была Моника, другим — мужчина из круга её друзей, с которым Кеплер был шапочно знаком. Он работал в пожарной охране, но то, чем они с Моникой сейчас занимались, не имело ничего общего с тушением пожаров; принципиально это занятие служило сохранению человечества как биологического вида. Хотя Кеплер не предполагал наличия подобных мыслей у этой парочки.

— Жаркое дело, — сказал он. Движения и стоны резко прекратились, и оба испуганно подняли глаза. — Для вас в буквальном смысле, — добавил Кеплер. — Продолжайте, я уйду.

Он вернулся в коридор. Там он попытался подавить пустоту, которая внезапно начала расплзаться у него внутри. Затем его на мгновение позабавил страх, мелькнувший в глазах любовника Моники. Он покачал головой, прошёл на кухню и порылся в ящике, пока не нашёл пакет из Альди.

Когда он вышел из кухни, Моника стояла, прислонившись к дверной коробке спальни. Она казалась более собранной, чем её любовник, и смотрела на Кеплера с вызовом. На ней был халат, руки были скрещены на груди, и вместо того, чтобы уйти с дороги Кеплера, она ждала.

Он догадывался, чего именно. Поэтому он поспешил собрать те немногие вещи, которые принадлежали ему. Упаковав в пакет зубную щётку, бритву и немногочисленное бельё, он снял ключ Моники со своей связки и положил его на столешницу. После этого он направился к двери.

Моника мысленно полностью настроилась на атаку и ждала лишь слова упрёка. Всё это время она гневно наблюдала за Кеплером. Увидев, что он собирается уйти без единого слова, она не выдержала.

— Сам виноват, — высказала она своё мнение о том, кто нёс ответственность за эту катастрофу. — Ты неделями не даёшь о себе знать! И вообще, как давно ты уже вернулся в Кальв?

Кеплер пожал плечами, он пытался ей это объяснить.

— Окей, — произнёс он, да и что ещё он мог сказать?

Моника ухватила за это.

— Окей? Окей? Ты рассказываешь мне, как я тебе нравлюсь... — Она посмотрела на него с чувством праведного гнева и упёрла руки в бока. — А теперь ты просто говоришь, — её голос поднялся на октаву, — о-кей!?

— Это не я трахался на стороне, — по-деловому напомнил ей Кеплер. Он криво усмехнулся. — Мне возместить вам презерватив, или чего ты сейчас от меня хочешь?

Эта попытка осадить её не сработала даже на секунду.

— Если ты сам меня к этому подталкиваешь, то тебе и нести последствия! — гневно сообщила ему Моника.

— Феноменально, — отозвался Кеплер, которого всё это начало понемногу забавлять.

— Что? — ответила Моника, теперь уже сбита с толку, но всё ещё на повышенных тонах.

— Твой неподобный дар констатировать очевидное, — пояснил Кеплер. — Я как раз и несу последствия.

Это немного поубавило Монике пылу.

— И сколько же мне нужно было тебя ждать? — язвительно спросила она.

— Да ради бога, ты могла вообще не ждать, — ответил Кеплер. — Я же тебе объяснял... — Он осёкся. — Почему ты просто не отправила СМС, что хочешь расстаться? Узнать об этом вот так — как-то тягостно.

Моника смотрела на него растерянно и подавленно, от её самоуверенности не осталось и следа. Для Кеплера теперь не существовало ни её самой, ни их отношений.

Поскольку Кеплер с юности привык обрывать связи, на следующий день он оказался способен рассказать товарищам, что добровольно уходит из армии из-за паралича.

Ему не пришлось часто повторять эту ложь, Хебнер облегчил задачу ему и его товарищам: он уйдёт в течение четырёх дней.

Он стиснул зубы, делал вид, что всё в порядке, и последние дни тренировался со своей ротой. Но по вечерам он уединялся и готовил своё снаряжение к продаже. Своё личное оружие бойцы КСК покупали в частном порядке, а после увольнения продавали его своим преемникам. Деньги Кеплера не волновали, и мысль о том, что у него больше не будет Глока и Г36С, злила его. Тем не менее он старательно приводил оружие в порядок. Он не мог обмануть товарищей только из-за того, что так поступили с ним.

Прощальная церемония в баре базы превратилась в шумный праздник; кроме проституток, Хебнер разрешил всё.

Праздновала почти вся база. Прощальную речь произнёс командир взвода. Лейтенант вложил много сил в её содержание, а двое парней из роты Кеплера подготовили слайд-шоу о нём. После речи лейтенант торжественно вручил ему свидетельство об увольнении и подписанную всеми товарищами памятную фотографию, которую Кеплеру было запрещено кому-либо показывать в течение ближайших десяти лет.

Два дня спустя, когда Кеплер отоспался после попойки, он самым ранним утром покинул Кальв со своим рюкзаком, в который были запиханы все его пожитки. Бундесвер на прощание оплатил ему билет второго класса на поезд, и через несколько часов он уже был в Штайнфурте.

Глава 4

Дверь дома, в котором вырос Кеплер, открыла крошечная, изящная женщина с ярко-зелёными глазами.

— Малой, — удивлённо ахнула подруга его брата.

— Привет, Сара, — поздоровался с ней Кеплер.

Она широко, тепло и радостно улыбнулась ему.

— Не стой столбом в дверях, заходи.

При росте метр шестьдесят восемь Кеплер и впрямь был довольно невысоким, тем более что некоторые поговаривали, будто в ширину он такой же, как и в высоту. Сара была уж точно не выше, но она была единственной, кому позволялось подобное обращение. И она пользовалась им постоянно. Кеплер опустил рюкзак на пол, обнял её и стиснул так, что она охнула. Кеплер поцеловал её и отпустил.

— И чем вас там только кормят? — жалобно спросила Сара, театрально постанывая и потирая рёбра.

— Маленькими нахальными женщинами, — ответил Кеплер.

— Балбес. — Сара улыбнулась и, махнув рукой, пропустила его мимо себя. — Йенс и бабушка уехали за покупками, они скоро вернутся.

Сара и Кеплер пили кофе, когда его брат и бабушка вернулись с покупками. Юркая старушка чуть не выронила пакет с продуктами, увидев своего младшего внука, и бросилась к нему. Кеплер обнял её так же нежно, как и Сару, но не так сильно. Мгновением позже вошёл Йенс. Он ошарашенно посмотрел на младшего брата, затем расплылся в улыбке, отложил мешок с землёй для цветов и заключил Кеплера в объятия. Какое-то время они крепко и громко хлопали друг друга по спинам.

За ужином Кеплер рассказал семье, что уволился из Бундесвера. В ответ он получил изумлённые и недоверчивые взгляды, а затем и вопросы о причине. Он уклончиво объяснил, что у него просто пропало желание служить. Поверили ли они ему на слово, Кеплер не был уверен. Чтобы сменить тему, он рассказал, что расстался с Моникой, и поспешил признать себя виновным в упрямстве.

— Ты была абсолютно права, бабуля, — покорно подытожил он и опустил взгляд.

Вопреки его ожиданиям, бабушка не стала смаковать этот факт, а лишь погладила его по щеке.

— Ты ещё найдёшь себе хорошую женщину, Дирк. — Бабушка слегка криво усмехнулась. — Наверняка такую же штучку, как наша Сара.

Она просто не могла удержаться от шпильки. Она горячо и искренне любила Сару, но то, что они с Йенсом до сих пор не поженились, в корне претило её глубоко католической натуре.

— И я тебя люблю, — сказала Сара и улыбнулась ей.

— И правильно делаешь, — самодовольно заметила бабушка.

— Пошли, брат, сваливаем отсюда. — Йенс поднялся из-за стола. — Если эти двое опять начнут, у меня зубы сводит.

Он спасался бегством от самой темы, а не от того, как её препарировали бабушка и Сара. Обе, несмотря на свои разногласия в этом вопросе, тут же неодобрительно посмотрели на Йенса. С отсутствующим взглядом он подошёл к холодильнику и достал две бутылки пива. Кеплер не мог подвести брата и с таким же непроницаемым лицом последовал за Йенсом на улицу. Снаружи они уселись в садовые кресла. Йенс протянул Кеплеру бутылку.

— Почему ты на самом деле ушёл из КСК? — захотел узнать он.

Кеплер подумывал рассказать ему о параличе. Но Йенс иногда бывал настоящим ябедой, бабушка была врачом, а Кеплер хотел покоя. Он достал пачку сигарет трёхмесячной давности — он курил лишь изредка, в основном за кружкой пива.

— Двенадцать лет прошли, и они просто не продлили контракт, — солгал он.

— Да ладно? — удивился Йенс. — Армия ведь в тебя столько вложила.

— Ага. — Кеплер затянулся сигаретой и попытался выпустить колечко дыма. — Полные идиоты, — добавил он, внезапно поникнув. — Мне нравилось быть солдатом, — пробормотал он едва слышно и напряжённо затянулся сигаретой. Затем попытался улыбнуться. — Забавно, они учили нас отключать боль и чувства, и в моём случае для этого особо много и не нужно, — добавил он, — но всё равно как-то больно.

— Мне жаль, — растерянно посочувствовал Йенс. — И из-за Моники тоже.

Кеплер пожал плечами и посмотрел на брата.

— Ну, это ведь был лишь вопрос времени, да? — сказал он.

— Да, — откровенно подтвердил Йенс, испытывая облегчение от того, что его младший брат хотя бы эту неприятность, казалось, воспринимал легко. Он сдержанно улыбнулся. — Потому что бабуля опять была права — Моника тебе не подходила.

— Да, она иногда пугает, — согласился Кеплер. — Кто с ней сразу не поладит, того она проклянёт или типа того.

Йенс согласно кивнул. И — весьма благоговейно.

— И что теперь? — спросил он. — В смысле, какие у тебя планы?

— С месяц или около того буду предаваться сладкому ничегонеделанию, — рассуждал вслух Кеплер. — Потом буду искать работу. Или пойду учиться. Может быть. — Он тяжело перевёл дух. — Понятия не имею, брат, понятия не имею.

Они больше ничего не говорили. Затем молчание постепенно стало гнетущим.

— Всё, что ни делается, всё к лучшему, — нерешительно начал Йенс ободряющим тоном. — Ты обязательно что-нибудь найдёшь. — Он лукаво улыбнулся. — И бабуля о тебе позаботится. А если будешь зевать, она найдёт тебе приличную женщину, которая заставит тебя всё забыть.

— Не-а, я правда хочу такую, как Сарочка, — проворчал Кеплер в ответ. Йенс непроизвольно улыбнулся, едва услышав это имя. Кеплер завидовал брату из-за его любви. Не потому, что у него этого не было, а потому, что Сара значила для Йенса всё, точно так же, как для него самого армия. — Ты вообще представляешь, как тебе с ней повезло? — спросил Кеплер. — Она лучшая женщина на свете, ты ведь знаешь это, да?

Не успел его брат ответить, как он почувствовал на своей шее две маленькие, узкие ладони, а затем — тёплые мягкие губы на своей щеке.

— Спасибо, малой. — Сара улыбнулась ему сбоку, а затем лукаво посмотрела на Йенса. — Если он и дальше будет говорить такие милые вещи, я, чего доброго, ещё заколеблюсь, — подколола она.

Йенс посмотрел на своего теперь уже самодовольно ухмыляющегося младшего брата.

— Иди сюда, — велел он Саре. — Ты бы никогда, ни на что и ни на кого меня не променяла, — высокомерно заявил он.

Сара рассмеялась и уселась к нему на колени. Она обняла его, но по-прежнему смотрела на Кеплера.

— Ты только посмотри на него, — продолжала она провоцировать Йенса. — Он, к примеру, мог бы километрами носить меня на руках.

Йенс пожал плечами и указал себе за спину.

— Сара, он мог бы этот дом километрами на руках носить. И что?

— И то верно. — Сара улыбнулась ему. — Ты для меня единственный.

— Вот то-то же, — удовлетворённо произнёс Йенс. — Где бабуля?

— Ушла спать.

— А ты подслушивала, — сказал Йенс. — Как раньше.

Глаза Сары внезапно загорелись.

— Помните, что мы делали тогда, когда у бабули была ночная смена? Йенс всегда рассказывал истории о благородных рыцарях, спасавших маленьких принцесс. — Она улыбнулась. — Странно, но их всегда звали Сара.

Кеплер отчётливо услышал мечтательные нотки в её голосе.

— Просто я одержим тобой, — тут же признался Йенс. — И всегда был.

— Как же это восхитительно, — ещё больше расчувствовалась Сара. — Расскажи нам опять какую-нибудь историю, — попросила она. — Вроде как в честь возвращения.

— Окей, — весело отозвался Йенс, затем бросил лукавый взгляд на младшего брата. — Но она не о битве с драконами.

— А о чём же? — с любопытством спросила Сара.

— Слушайте, — начал Йенс. — Это было давным-давно. В одной стране, очень далеко отсюда, жила принцесса по имени Сара. Она была просто отпад. Если бы не физика, то ни солнце, ни луна больше не взошли бы, не говоря уже обо всех остальных, неважных звёздах — до того она была красива. Сара могла бы заполучить любого мужчину, но она втюрилась в бродягу самого низкого сословия, и потому отказывалась выходить замуж за уродливого старого графа. Поэтому её отец, король — омерзительный тиран, к слову сказать, — запер её в замке на необитаемом острове, где ей прислуживали только три старые уродливые гримзы в качестве фрейлин. Бродяга, который был одержим принцессой и оттого болен любовью, искал её по всему королевству. Он не ел и не пил, он не спал, он только носился повсюду и искал её. Наконец, после того как он похитил камердинера и жестоко допросил его, он всё узнал. Он отправился к морю и ждал на берегу, пока не стемнело. А затем он за ночь проплыл сто четырнадцать километров до острова без единой остановки...

— О боже, — выдохнула Сара.

— А то ж, — подтвердил Йенс. — Так вот, бродяга голыми руками взобрался на башню, пробрался внутрь и отыскал покои принцессы. Они оба очень, ну просто очень сильно соскучились друг по другу...

Если братьев Кеплер что-то действительно объединяло, так это увлечённость женским полом. Поэтому в истории Йенса не обошлось без таких подробностей, как объём груди принцессы в миллиметрах и прочих пикантных деталей. Кеплер сидел и просто ухмылялся в темноту: когда Йенс был в настроении рассказывать, перед глазами возникали едва ли не осязаемые картины.

Кино в его голове продолжалось две минуты, затем Йенс умолк. Когда Кеплер был ещё маленьким, его брат и Сара буквально терроризировали его взаимными доказательствами своей любви. Они всегда очень нравились друг другу, и едва бабушка скрывалась из виду, как эти двое тут же набрасывались друг на друга — в конце концов, даже тогда, когда Кеплер присутствовал при этом. Как и сейчас. Всего несколько мгновений спустя стало отчётливо слышно, что его брат и Сара за день тоже очень сильно соскучились друг по другу.

— Вас ещё больше заводит, когда я сижу рядом? — удручённо спросил их Кеплер через некоторое время. — Снова или всё ещё?

Сара перестала зацеловывать его брата и посмотрела на него. Даже в темноте он видел, как блестят её глаза.

— Ну так иди, — дерзко предложила она.

— Отличная вечеринка по случаю возвращения, — пожаловался Кеплер. Но на самом деле он был рад возможности смыться — он думал только о том, что потерял. — Желаю повеселиться.

Кеплер пошёл в свою комнату и лёг на кровать.

Он не мог уснуть. Он лежал неподвижно и не мигая смотрел в темноту. Почти осязаемо перед его глазами всплывали воспоминания.

Глава 5

Его родители погибли в автокатастрофе за день до его шестилетия, когда поехали за подарком для него.

Родители матери забрали его и Йенса к себе и делали всё, чтобы помочь им пережить потерю. Но дедушка был сломлен смертью дочери и умер всего год спустя. Бабушке пришлось растить братьев одной. Она была сильно загружена работой врачом в больнице, но для внуков стала матерью. Бабушка и Йенс были всей семьёй Кеплера.

А потом в его жизнь вошла Сара — с косичками и робкой улыбкой. Йенс познакомился с ней в школе, и они стали парой.

Когда Кеплеру было восемь, Йенс впервые привёл её домой. В тот день после обеда Кеплер сидел за столом на кухне. Ему ужасно не хватало отца, но он был мужчиной, и при мыслях об отце он ещё мог заставить себя не плакать. При воспоминаниях о матери, особенно о её улыбке, у него текли слёзы, и он ничего не мог с этим поделать.

Сара увидела, как он с болью и отчаянием моргает, глядя в миску с мюсли, и тогда, не обращая внимания на бабушку, подошла к нему.

— Малой, — прошептала она с бесконечным состраданием и погладила его по голове.

Он посмотрел на неё снизу вверх, а потом больше не смог сдерживаться: он вцепился в незнакомую девочку, и его слёзы полились безудержно. А Сара прижала его к себе и нежно, оберегающе, обняла.

Бабушка стояла у плиты и смотрела на неё. Что бы она в ней ни увидела, с этого мгновения Сара стала для неё дочерью.

Саре и самой приходилось нелегко: её родители разводились, не справлялись с ней и не заботились о ней. Сара винила в этом себя и избегала родителей, которым была почти безразлична. Так бабушкин дом стал домом и для неё. Она заботилась о Кеплере и утешала его, когда он плакал по матери, читала ему сказки на ночь, как это делал его отец; она умела успокоить его, когда он был расстроен. Для Кеплера она была, наряду с бабушкой и братом, третьим человеком в жизни, который что-то для него значил. На этом список заканчивался.

Для Кеплера Сара была старшей сестрой. Йенсу она была нужна как воздух. Он отчасти справился со своей болью от потери родителей, с головой уйдя в книги, а бабушка дала ему опору, но именно безграничная любовь Сары заново подарила ему радость жизни.

Кеплер не нашёл утешения в книгах, он чувствовал себя виноватым в смерти родителей и потому никчёмным. Его больше ничего не радовало, он всё больше замыкался в себе. В надежде, что спорт поможет его младшему брату снова найти себя, Йенс отвёл его в школу тай-чи.

И действительно, боевые искусства стали для Кеплера спасением. У него не было друзей и каких-либо увлечений, поэтому он не хотел ничего другого, кроме как тренироваться. В тай-чи он стал настолько хорош, что к четырнадцати годам достиг того, к чему другие шли двадцать лет. Однако лишь в том, что касалось технической стороны боя. Ведь с самого начала Кеплер не понимал принципов внутренних боевых искусств. Он хотел становиться всё лучше, но только физически, и стремился как можно лучше овладеть техникой. Совершенствование духовного уровня, к которому также стремилось тай-чи, не интересовало его совершенно, если это не служило бою. Благодаря спорту он стал увереннее в себе и спокойнее, но долгое время бой был единственным, чего он желал. В четырнадцать лет он нашёл в Райне спортивный клуб, где практиковались жёсткие виды единоборств, и в любую погоду ездил на тренировки на велосипеде. Он изучал тхэквондо, затем ниндзюцу. Он хотел лишь очень хорошо уметь драться,

не больше — но и не меньше. Постепенно Кеплер смешал различные боевые искусства в свой собственный стиль.

Когда ему исполнилось шестнадцать, в спортклубе начал преподавать замкнутый в себе китаец. Кеплер и он стали кем-то вроде друзей. Китаец, шаолинь и мастер внешних боевых искусств, сразу распознал его талант. Он развивал его и обучил Кеплера особому стилю кунг-фу. Поскольку Кеплер не отличался физической силой, мастер выстроил его тренировки с упором на скорость. Через год китаец принял его в ученики и начал обучать мандаринскому диалекту. Попутно он обучал его дзяньсюэ — технике решающего удара, которую обычно никогда не преподавали. С её помощью можно было молниеносно и очень точно приложить колоссальную силу в одну точку. Она также позволяла ударить противника так, что у того не оставалось ни единого синяка, но при этом повреждались его внутренние органы. Однако дзяньсюэ требовала много времени, концентрации и внутреннего спокойствия, так что за два года Кеплер освоил лишь основы этой техники.

Ещё в детстве он обладал живым, быстрым умом и хорошей памятью. Он много читал, прекрасно считал в уме, интересовался естественными науками и имел чутьё к языкам. Китайский он выучил очень быстро, так же как английский и французский в школе. Он учился в гимназии, но школа его не интересовала, и пока Йенс и Сара блистали оценками, Кеплер хитростью перебирался из одного класса в другой.

Его жизнь за стенами спортивной школы протекала однообразно. Он подрабатывал на складе торговца напитками, чтобы заработать на спорт, книги и свой мопед, а также чтобы разгрузить бабушку.

Друзей у него по-прежнему не было. Перед всем миром он изо всех сил строил из себя высокомерного засранца, и лишь к женщинам он относился хотя и сдержанно, но в целом с тихой радостью. Вероятно, потому, что мать, бабушка и Сара были главными людьми, сформировавшими его жизнь. Со своими ровесниками он мог общаться на разные темы, да и деньги на мороженое или кино у него всегда водились. Но серьёзных отношений у Кеплера не было, хотя он и состоял в мимолётных, так сказать, связях со многими девушками.

Бабушка благодарила Бога за то, что он не пил и не принимал наркотики, но мрачно смотрела в его будущее, поскольку Кеплер никогда не заглядывал дальше следующей тренировки и не проявлял интереса ни к профессиональному обучению, ни к учёбе в университете. И тогда бабушка предложила ему пойти в Бундесвер. Чтобы оттянуть окончательное решение о своих жизненных планах, Кеплер последовал её совету.

В восемнадцать лет он подписал контракт на двенадцать лет службы в Люфтваффе. После базовой подготовки он служил в пехотном подразделении охраны объектов 72-й истребительной эскадры «Вестфален». База находилась в Хопстене, менее чем в двадцати километрах от спортклуба в Райне. Только этот факт стал для Кеплера решающим при выборе рода войск.

Жизнь солдата, к его собственному удивлению, начала доставлять ему огромное удовольствие, как только он преодолел первоначальные трудности с подчинением дисциплине. Дома Кеплер знал о любви своей семьи и был благодарен за неё, но никогда не умел правильно с ней обращаться или отвечать взаимностью. В Бундесвере же благодаря общности и боевому братству он обрёл внутреннюю опору. Хотя он по-прежнему оставался одиночкой, с другими контрактниками он поддерживал товарищеские отношения, по крайней мере, в рамках профессии. И, вероятно, в качестве ещё одной замены семье, служба Отечеству стала для него делом первостепенной важности.

То же самое стремление быть лучшим, которое Кеплер развил в боевых искусствах, заставляло его систематически и целеустремлённо прилагать все усилия, чтобы стать отличным солдатом. Параллельно он изучал несколько языков и постоянно расширял свои знания.

Особенно его захватила астрономия. После полёта на Ф-4 Фантом II он пожалел о том, что плохо учился в школе, так как стать пилотом истребителя ему уже не светило.

Зато он осаждал своё начальство до тех пор, пока ему не разрешили пройти оба курса подготовки диверсантов-разведчиков Бундесвера и базовую десантную подготовку. Он углублял свои знания и становился всё более умелым солдатом, бойцом и мастером высокоточной стрельбы. В подразделениях охраны объектов Люфтваффе он вскоре прослыл лучшим снайпером. В целом он был почти доволен своей жизнью.

Это «почти» объяснялось тем, что Люфтваффе предоставляли снайперу мало возможностей для применения своего мастерства, не говоря уже о его совершенствовании. Ведь основное оружие Кепплера, стандартная штурмовая винтовка ГЗ в версии СГ1 с оптическим прицелом и сошками, не была снайперской винтовкой в полном смысле этого слова. А манёвры, в которых участвовала его рота, были учениями военно-воздушных сил, где на первом месте стояли полёты.

Кепплер уже собирался переводиться в подразделение глубинной разведки, когда услышал о создании Комmando специальных сил. Он тут же подал рапорт в КСК и с первого раза прошёл все тесты. Он был одним из первых кандидатов, пришедших не из воздушно-десантных бригад. Поскольку он уже был фельдфебелем и обладал расширенными знаниями и навыками, его обучение было значительно сокращено: уже через год он получил знак бойца спецназа и был зачислен во вторую роту коммандос. Его определили в шестой взвод, специализировавшийся на разведке и снайперской деятельности.

Теперь Кепплер наконец-то смог жить своим призванием. Как снайпер он был исключительным талантом и неустанно совершенствовал своё искусство. В девяносто седьмом его выбрали в качестве испытателя новой снайперской винтовки Бундесвера — он стал одним из тех солдат, кто проверял новое оружие в полевых условиях. Кепплер хотел немецкую винтовку, но тендер выиграла английская фирма Аккьюраси Интернэшнл с моделью Арктик Уорфэр Магнум в модификации Ф со складным прикладом. Впрочем, АВМ-Ф была очень хороша, и КСК стал первым подразделением Бундесвера, получившим её. Первая рота коммандос сразу же отправилась с ней в Косово для поддержки сил СФОР. Когда же Кепплер сам отправился на задание, он взял с собой уже модифицированную немецкую версию винтовки под обозначением «Г22».

Пистолетом Кепплер владел так же виртуозно, как и винтовкой. КСК имел доступ к большинству видов оружия в мире, по крайней мере, ко всему, что было меньше танка, истребителя или авианосца. Кепплер понравился Глок, хотя его изрядно корбило, что это было не немецкое оружие. Тем не менее он купил Глок 17 в частном порядке и использовал его вместо стандартного пистолета П8С, принятого в КСК. Сослуживцы из-за этого над ним подшучивали. Он, человек с сильнейшим чувством национального достоинства, искренне любил свою английскую винтовку и свой австрийский пистолет. Поддразнивать его по этому поводу, а затем получать за это тумаков на тренировках по рукопашному бою стало обязательным развлечением всей роты.

Кепплер почти не бывал дома. Он видел ужасы войны на Балканах и в Афганистане, участвовал в операциях, о которых ему было запрещено говорить. И за всё это время он так и не смог построить прочных отношений с женщиной. Но, несмотря на всё это, его жизнь была полной.

Так, годы в КСК были лучшими в его жизни.

Глава 6

На следующее утро, совершая на рассвете свою обязательную пробежку, Кеплер прощался со своей солдатской жизнью. Даже больше, чем те три человека в этом городке в Вест-фалии, Бундесвер был для него всем. Двенадцать лет он был снайпером и разведчиком, он был элитным бойцом. Но с тем безмерным предательством, которым для него стала комиссия, эта глава жизни была закончена. Ему было невыносимо больно от того, что бригадный генерал его бросил; казалось, он больше не может слепо положиться на боевого товарища. В его профессии подобное было смертельно. И именно это чувство не отпускало его.

Ему было тридцать, и он совершенно не понимал, что делать дальше. Он только и умел, что убивать разными способами, и он делал это. О жизни после армии он никогда не задумывался. Пока она не настала и не обрушилась на него. И он больше не знал, кто он теперь и что он такое.

Эта мысль занимала его до самого возвращения.

— Сколько ты пробежал? — спросила Сара, пока Кеплер снимал рюкзак, который он для веса набил книгами.

— Пять миль, — ответил он.

— С дополнительным весом?

— Просто так любой пробежит.

— Как в САС, да? — поинтересовалась Сара, любопытно сузив глаза. — Ты бывал в Херефорде?

Кеплер задался вопросом, откуда она знает, что неподалёку от этого английского города находится база Специальной воздушной службы, прародительницы всех спецподразделений.

— Да, — коротко ответил он и принялся расшнуровывать ботинки.

— И как? — спросила Сара почти с волнением.

— Мне нельзя об этом говорить, — отрезал Кеплер.

Впервые с тех пор, как они знали друг друга, между ними внезапно возникло напряжение. Прошло некоторое время.

— Ты убивал, Дирк? — тихо спросила Сара.

Кеплер поднял голову.

— Да.

Сара посмотрела ему в глаза. У него никогда не было от неё секретов. Теперь она видела, что о многом он ей никогда не рассказывал и не расскажет. Сара через силу улыбнулась ему.

Но затем всё снова стало как прежде.

— Иди в душ, от тебя пахнет... резковато. — Сара демонстративно помахала ладонью перед носом. — Завтрак скоро будет готов.

Глава 7

Несмотря на отпуск, Кеплер в тот же день принялся организовывать свою новую жизнь. Он слышал о многих солдатах, которые после ухода из армии не справлялись, потому что слишком долго отдыхали. В итоге они вообще больше ничего не хотели делать и превращались в тени самих себя. Другие переоценивали свои силы, брались за слишком многое и отчаивались из-за собственной некомпетентности. Для кадровых военных с большим стажем гражданская жизнь часто оказывалась слишком резкой переменой. Кеплер не хотел ни того, ни другого. Он хотел принадлежать к той группе, которая справилась с переходом деловито. Он вполне верил в свои силы. Лишь где-то глубоко внутри ему не хватало той самой последней капли уверенности в том, что он сможет успешно это повернуть. Чем дольше он жил как гражданский, тем больше осознавал, что остался солдатом.

Тем не менее после завтрака он сел за ноутбук Йенса. До самого вечера он изучал условия поступления в университеты и просматривал специальности, на которых, возможно, хотел бы учиться. Но у него был посредственный аттестат, к тому же дающий право на поступление лишь в среднее специальное учебное заведение. Возможно, ему могли зачесть что-то из Бундесвера, но для учёбы в университете обязательно требовался полноценный аттестат зрелости. Его получение, однако, не считалось повышением квалификации, так что Бундесвер, по крайней мере, не оплатил бы его полностью; переходное пособие выплачивалось только в течение нормативного срока обучения. И Кеплера почему-то пугала сама мысль о школе. Для начала профессионального обучения он чувствовал себя слишком старым.

Он на время оставил эти мысли и решил пойти работать. С его способностями и склонностями выбор возможных занятий был невелик. Кеплер не мог себе представить, что будет проводить день за днём на одном и том же месте, поэтому на ум сразу пришли только вождение и работа в службе безопасности. Вождение грузовика его не прельщало, хотя соответствующие права у него были. Поэтому он занялся поиском охранных фирм, подготовил документы и разослал резюме.

В самом Штайнфурте и его окрестностях было три фирмы, специализировавшихся на охране объектов. Кеплер подал заявки в каждую из них.

Он получил один отказ и два приглашения на собеседование.

Через неделю он сидел в офисе одной из этих фирм.

Его собеседнику было чуть за двадцать. Кеплер не думал, что тот служил. Он сразу почувствовал неприязнь к этому человеку, так как тот казался ему кем-то, кто убеждён, что знает всё лучше всех.

— Ваше резюме весьма впечатляет, — покровительственно заметил юнец.

— Спасибо, — сдержанно отозвался Кеплер.

— Что вы можете рассказать мне о вашей деятельности в КСК?

— Ровным счётом ничего, — решил Кеплер.

— Ну... э-э... хм. — Юнец покашлял и посмотрел в правый верхний угол. — Собственно говоря, ваша квалификация избыточна. Да...

— Так эксплуатируйте меня, — предложил Кеплер.

— Вы указываете, что владеете несколькими языками, — уклонился юнец. Его взгляд апатично переместился к окну, затем снова на Кеплера. — Турецким тоже?

— Нет, — ответил Кеплер. — Но выучу, если нужно.

— Сколько времени вам потребуется?

— От четырёх месяцев до полугода, если найду хорошие книги, — рассуждал вслух Кеплер. — Если будет с кем попрактиковаться, то быстрее.

— Ага, ага...

— Я также могу обучать ваших людей обращению с оружием или рукопашному бою, — предложил Кеплер ещё один вариант.

— Этим у нас занимаются сторонние специалисты, — последовал небрежно пробормотанный ответ.

Юнец при этом заглядывал в папку с документами, но как-то безучастно, словно просто хотел убить время, потому что ему было скучно. Кеплер совершенно сбился с толку. В Бундесвере всё было куда проще. Там всё всегда было ясно и чётко, по крайней мере, на его уровне. Не нужно было разгадывать загадки или говорить намёками.

— Что вас во мне не устраивает? — прямо спросил Кеплер. — Я могу просто уйти, вам стоит только сказать.

Юнец на мгновение задумался, глядя куда-то в сторону мимо него.

— Честно говоря, господин Кеплер, вам будет трудно найти работу в нашей отрасли, — произнёс он затем с нарочито нейтральным видом, но в его тоне слышалось злорадство. — И не только в этой фирме.

Кеплер был более чем удивлён. Вообще-то он считал себя почти идеальным кандидатом.

— Почему? — осведомился он.

— В нашей отрасли не любят, когда им лгут, — нравоучительно протянул юнец.

— В чём же я вам солгал? — спросил Кеплер, теперь уже в полном недоумении.

— Ну, «солгал» — это, пожалуй, неверное выражение, — поправился юнец. — Но вы рассказали нам о себе не всю правду, — упрекнул он Кеплера.

— В отношении чего?

— Ваших проблем с правоохранительными органами, — вызывающе ответил мужчина.

— У меня нет с ними проблем, — заявил Кеплер.

— Есть. Поскольку в данный момент против вас подано заявление, — бросил ему юнец. — По факту нападения.

— Ах, это. — Кеплер расслабился. — Значит, вы знаете, что этот тип подстерегал маленьких мальчиков у школы и уговаривал их пойти с ним в сауну. Я отговорил его приставать к детям.

— Сделав это путём перелома ему руки, — укоризненно сказал юнец.

— Путём вывиха, — холодно поправил Кеплер, глядя ему в глаза. — И что? Это был педофил.

— Вы не судья, — жеманно возмутился юнец.

— Окей, — сказал Кеплер. — Я всё понял.

Он хотел было подняться, но юнец заговорил снова.

— У вас проблемы с агрессией? — напыщенно осведомился он. — Вы калечите человека, скрываете это и к тому же считаете, что всё в порядке?

Кеплер уважал людей с выраженным чувством собственного достоинства. Но самовлюблённые индивиды, упивающиеся собственной персоной, вызывали у него отвращение. Тем не менее он спокойно подождал, пока юнец откинется на спинку кресла и посмотрит на него свысока.

— Чего вы хотите добиться этим утверждением? — поинтересовался он тогда.

— Нам нужны честные сотрудники, — поучил его юнец.

— Значит, я вам не подхожу, — перебил его Кеплер. — Почему бы вам не сказать именно это, и только это, причём по-деловому? К чему вы излагаете мне высокие идеалы этой фирмы? Вы пытаетесь меня мучить? — Он весело усмехнулся. — Вы по-другому не получаете удовлетворения? — предположил он. — Вероятно, потому, что вы просто придурок. — Он достал копию заявления, поданного против него, и положил её на стол. — Всегда сначала спрашивайте, — посоветовал он. — Это случилось две недели назад, через день после того, как вы

меня пригласили. — Он холодно посмотрел на юнца сверху вниз. — Никогда больше не вздумайте разговаривать в таком тоне с кем-то вроде меня, ясно?

Последнюю фразу он произнёс спокойно и тихо, но угроза прозвучала неприкрыто. Юнец ошеломлённо уставился на Кеплера. Когда их взгляды встретились, в его глазах промелькнул страх. Он быстро отвёл взор. Кеплер забрал свою папку с документами и вышел.

По крайней мере, он извлёк для себя кое-что новое, а это уже было хоть что-то.

Глава 8

Собеседование в охранной фирме в Райне неделю спустя прошло похоже. Однако на этот раз Кеплер встал гораздо раньше, чем в первый раз. Без комментариев он бросил копию заявления на стол начальника отдела кадров и вышел. После этого он отправился домой.

Он был разочарован. В себе, в мире, просто во всём.

Проходя мимо магазинов в центре города, он увидел открытую дверь. Но здесь не собирались ничего продавать — это был местный филиал объединения нескольких благотворительных организаций. У них не хватало денег даже на кондиционер в крошечном офисе, поэтому дверь стояла открытой. На её внутренней стороне висел плакат, на котором был изображён опухший от голода маленький чернокожий ребёнок. Противные мухи ползали в уголках его глаз, губы потрескались. Надпись просила о пожертвовании. Кеплер искал ящичек с бланками для денежных переводов, как вдруг его взгляд упал на плакат в окне рядом с дверью.

«Помогайте на месте, — гласил он, — лично, в самой гуще событий, своими руками».

Кеплер бросил взгляд на свою папку с документами. У двери стоял мусорный бак. Кеплер кинул папку в бак и ослабил галстук, прежде чем войти.

Довольно измождённая женщина средних лет, наполовину европейка, наполовину африканка, сидевшая за столом, устало подняла взгляд. У неё были чёрные круги под глазами, и смотрела она весьма недоверчиво.

— День добрый, — поздоровался он.

— Здравствуйте, — сухо отозвалась женщина. — Чем могу помочь? Хотите сделать разовое пожертвование или желаете взять шефство над ребёнком?

Она сразу перешла к делу. И не мудрено: вероятно, часто случалось так, что многие сытые западные люди выслушивали ужасающие истории об Африке, сочувственно вздыхали и уходили, не пожертвовав ни цента.

Кеплер покачал головой.

— Ни то, ни другое.

— Чего же вы тогда хотите? — раздражённо спросила женщина.

Было заметно, что у неё есть дела поважнее, чем развлекать кого-то рассказами об Африке. Кеплер указал на дверь.

— Там написано, что вам нужны люди для Африки. Для какой работы?

Женщина удивлённо посмотрела на него.

— А что вы умеете?

— Готовлю я из рук вон плохо, — ответил Кеплер. — Но умею водить грузовик, причём хорошо. Ещё довольно неплохо обращаюсь с инструментами. — Он задумался, но больше ничего не припомнил. А снайперов здесь наверняка не искали. — Это всё, — закончил он.

Женщина впервые улыбнулась. Немного неохотно, но всё же.

— Вы действительно хотите помогать лично? — удостоверилась она.

Несмотря на улыбку, голос её звучал недоверчиво. Кеплер пожал плечами.

— Я уволился из армии, работы нет, зато времени навалом.

— И вы правда хотите в Африку? — ещё раз уточнила женщина.

— Мне уйти? — спросил Кеплер и начал разворачиваться.

— Подождите, — поспешила сказать женщина. — Чем именно вы хотите заниматься?

— С больными, ранеными и с готовкой я дела иметь не хочу, — чётко ответил Кеплер. — Всё остальное подходит.

— Сказали, водите грузовик? — задумчиво протянула женщина и вопросительно посмотрела на него. — Как насчёт перевозки грузов?

— Окей, — согласился Кеплер, не раздумывая.

— Я дам вам документы Уорлд Вижн. — Женщина улыбнулась ему, но всё ещё как-то нерешительно. — Вы сможете спокойно их прочитать и тогда принять окончательное решение.

— Нет, заполним договор сразу, — возразил Кеплер.

Он уже всё решил. С охранной службой в ближайшей округе ничего не вышло, а вождение грузовика в Германии было собачьей работой. И с тех пор как две минуты назад он решил отправиться в Африку, он почувствовал себя свободным. Давление от необходимости проявлять себя в гражданской жизни исчезло. Кроме того, он хотел иметь на руках чёткие факты на случай, если из-за его решения уехать в Африку бабушка устроит сцену. Он расслабленно улыбнулся, увидев ошеломлённый взгляд женщины. Видимо, редко случалось так, чтобы кто-то пришёл, захотел и сделал.

— А вы, я вижу, серьёзно настроены, — сказала она с уважением, после того как несколько мгновений испытующе смотрела на него. — Что ж, приступим.

Через два часа они закончили с первыми формальностями. Женщина пообещала, что Кеплер отправится на задание как можно скорее. Возможно, она боялась, что он ещё может передумать. Но Кеплер не собирался менять своё решение, даже если до отъезда в Африку пришлось бы ждать долго.

Как это часто бывало, он абсолютно ошибся в своих ожиданиях насчёт реакции семьи. Именно Сара восприняла это в штыки. Бабушка же, напротив, похвалила его — не то чтобы восторженно, но всё же. Единственное объяснение такому поведению бабушки, которое пришло Кеплеру на ум, по всей видимости, и было верным.

Тогда она сама посоветовала ему пойти в Бундесвер. Она — да и сам Кеплер — полагали, что он будет лишь играть в войну. В остальном же он должен был научиться дисциплине и вести размеренную жизнь в чёткой иерархической структуре. В то время он в этом остро нуждался. Но мир изменился. Кеплер не просто играл в войну, он по-настоящему сражался и убивал людей. В сущности, он был лишь оружием, смерть его целей решали другие — те, кто понимал этот мир куда лучше него. Убивая на службе, Кеплер не испытывал чувства вины. Ни он, ни его товарищи никогда даже в шутку не целились в безоружных. Но бабушка была верующей, для неё убийство было грехом. По всей видимости, она считала, что Кеплер должен искупить свои поступки. Поэтому она приветствовала его решение сделать что-то для обездоленных этого мира.

Йенс был с ней согласен. Ему никогда не нравилось, что Кеплер стал солдатом. Как и бабушка, он придерживался мнения, что помогать людям куда лучше.

Затем бабушка сделала то, что пыталась сделать лишь однажды, когда Кеплеру было четырнадцать. Она повесила ему на шею маленькое старое потемневшее деревянное распятие. Тогда Кеплер не захотел его брать, с церковью он не имел ничего общего. На этот раз он позволил бабушке это сделать, чтобы не лишать её радости. После этого он полностью согласился с её длинной речью о том, что он должен быть осторожен, беречь себя, следить за едой и за всем прочим.

На этом дело было фактически улажено. Но Сара снова попыталась отговорить Кеплера от его затеи. Она знала, что происходит в мире, и прямо сказала, что боится, что он не вернётся.

— Я был на войне, — возразил он, не найдя аргумента получше.

— Но там ты был солдатом и выполнял приказы, — парировала Сара. — А сейчас ты добровольно подставляешь грудь под нож.

— Это не опасно, — попытался Кеплер её успокоить. — В Африке работают тысячи волонтеров. Что-то плохое случается крайне редко. — Сара ничуть не убедилась, она во что бы то ни стало хотела отговорить его от поездки на грузовике по местам африканской гражданской войны. — А что мне здесь делать? — спросил Кеплер. — Профессии у меня нет, работу не найти из-за истории с педофилом. В агентстве по временному трудоустройству я работать

не хочу. Учиться мне уже поздно. В остальном же, — он улыбнулся, — я достаточно молод. Может, сделаю карьеру спасителя мира.

В конце концов Сара уступила его доводам. Впрочем, выбора у неё не было. Она не была ни счастлива от этого, ни согласна с происходящим. Она приняла решение Кеплера, но он видел, что она напряжённо размышляет об альтернативах. Кеплер догадывался, что она ломает голову над тем, как удержать его от этой поездки.

Шанса ей не представилось. Уже на следующий день сотрудник Уорлд Вижн провёл с ним собеседование по телефону. А через два дня почтой пришёл билет на самолёт до Лондона.

Глава 9

Уорлд Вижн относилась к УВКБ ООН — Управлению Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев. Гуманитарная организация работала преимущественно в рамках Всемирной продовольственной программы в зонах военных конфликтов и районах катастроф. На пожертвования, собранные по всему миру, закупались товары первой необходимости, причём продовольствие старались приобретать на месте, чтобы у местных жителей был хоть какой-то доход. Затем грузы доставлялись нуждающимся на грузовиках, изредка — самолётами. В Уорлд Вижн было лишь несколько штатных сотрудников; принцип работы с волонтерами заключался в том, чтобы максимально задействовать местных жителей — так они учились обеспечивать себя сами. Для выходцев с Запада добровольная миссия длилась полгода, после чего можно было решить, продолжать работу или нет. Что касается оплаты, то её как таковой не существовало, не считая питания, проживания и небольших карманных денег.

Командировка Кеплера должна была продлиться около девяти месяцев. В первую командировку всегда было так: сначала ему предстояло отправиться в Англию. Там нужно было провести несколько недель, чтобы сделать все необходимые прививки и пройти подготовку. Кроме того, требовалось время на оформление и утверждение всех документов.

Обучение состояло из изучения языка, культуры и правил поведения в стране назначения, а также из курсов вождения. В качестве инструкторов выступали другие волонтеры, делавшие перерыв между миссиями, и африканцы, находившиеся в Англии.

Уорлд Вижн содержала тренировочный лагерь в посёлке Эдни-Коммон недалеко от Лондона.

Одновременно с Кеплером там было десять волонтеров, но он был единственным немцем. Начальник лагеря сказал ему, что немцы обычно работали через Службу Технической Помощи или другие немецкие благотворительные организации; Кеплер был первым тевтонцем в Уорлд Вижн за очень долгое время. Остальные были четверо англичан, итальянец, двое французов, двое ирландцев и одна шведка. Кеплер был единственным бывшим военным в группе, остальные пришли из гражданских профессий. Все они искали в жизни какой-то смысл. Оба француза были инженерами-агрономами, англичане работали в офисах и банках. Лишь итальянец был ремесленником. Шведка была учительницей.

Общение Кеплера с остальными ограничивалось тем, что он разговаривал с каждым на его родном языке ради практики; в остальном он держался особняком. Свободное время он тратил на углубление знаний и тренировался при любой возможности. Он всегда занимался в одиночку. Завести друзей среди них он не мог. Да и не хотел. Он никогда не участвовал в их разговорах. Они казались ему напыщенными, особенно когда шведка разглагольствовала о том, как ей претит западное благополучие. Кеплер знал, что никто из них, включая его самого, не способен изменить мир даже на йоту. Их задача заключалась лишь в том, чтобы облегчить страдания нескольких человек. А крайняя нужда не оставляла места для мечтаний. Ещё больше, чем нереалистичные представления, Кеплера раздражало то, что остальные хотели найти в Африке романтику дальних странствий. Кеплер повидал достаточно войн и знал, что в нищете нет ничего романтического. Поэтому он сосредоточился на занятиях.

Большинство из группы должны были отправиться в Судан, где арабский был одним из двух государственных языков. Вскоре Кеплер заговорил на нём вполне сносно, поэтому начал учить суахили и тигринью — на случай, если его пошлют в Кению или Эритрею.

Уорлд Вижн не могла многого потянуть, поэтому обучение вождению было недолгим: давали лишь базовые правила езды по бездорожью. Примерно десятая часть дорог в Судане

была заасфальтирована, остальные девяносто процентов представляли собой обычные грунтовки, на которых иногда была нанесена разметка. В глубине страны не было и этого — только более или менее накатанные тропы. Кеплер быстро привык к правому рулю, который в Африке встречался повсеместно, но всё же считал противоестественным сидеть не с той стороны. Ездили на Скании. У шведской компании были сборочные заводы в нескольких африканских странах, поэтому грузовики этой марки там были весьма распространены, особенно капотные версии, которые Кеплеру очень нравились. Если не считать правого руля, сама Скания казалась ему очень хорошей машиной — лучше, чем Мерседесы, на которых он ездил в Бундесвере. От этого вывода ему было так же не по себе, как в своё время от мыслей об оружии, но он оставался объективным в своей субъективности и скрепя сердце полюбил шведские грузовики.

Хотя он почти не участвовал в жизни группы, через некоторое время шведка попросила его о помощи. Она была очень амбициозна и хотела хорошо говорить по-арабски. В группе она была лучшей, но уровень Кеплера был выше. Вторым государственным языком в Судане был английский, но учительнице полагалось хорошо владеть и арабским. По части жизненного опыта Роза не могла составить Кеплеру ни малейшей конкуренции, но он наслаждался часами, проводимыми с ней. И с тех пор, как она однажды увидела его во время боя с тенью, между ними возникло эротическое притяжение. Остальных мужчин это злило. Но они никогда не высказывали этого открыто, начальник лагеря как-то проболтался, что Кеплер служил в спецназе. Но и до этого никто не горел желанием его провоцировать.

Кеплер провёл в тренировочном лагере тринадцать недель. Последние четыре недели объяснялись скорее тем, что африканским правительствам требовалось много времени на выдачу разрешений на въезд волонтёрам.

В конце концов и это произошло, и группу разделили. Итальянец отправился в Эритрею, оба француза — в Конго. Остальная часть группы должна была работать в Судане, в провинции Джануб Кордофан.

Последние три дня перед отъездом в Африку все хотели использовать для того, чтобы слетать домой и попрощаться с родными.

Глава 10

Это была главная причина, но не менее важной для Кеплера была одежда. Когда он носил привычные вещи, он их не чувствовал и мог свободно двигаться. В другой одежде такого ощущения у него не было.

Дома он упаковал все свои пожитки в походный рюкзак.

В КСК Кеплер заказал себе изготовленный из камуфляжной парусины под его нужды разгрузочный жилет. Он имел вставки из бронематериала класса защиты СК4. Кевларовые пластины были уменьшены, но разгрузочный жилет всё равно обеспечивал хорошую защиту, при этом подвижность торса сохранялась почти без ограничений. Чтобы разгрузочный жилет сидел плотно, он регулировался липучками. В принципе, это был сшитый по мерке рюкзак, в котором у Кеплера всё было под рукой и требовалось лишь одно движение, чтобы достать нужное. У жилета было огромное количество карманов, в которых могли разместиться еда, перевязочный материал, Глок 17 с глушителем и шесть запасных магазинов к нему. Пистолета Кеплеру очень не хватало.

Брюки, которые он всегда носил, были такими же неубиваемыми, как и разгрузочный жилет, с множеством карманов и петель, к которым можно было крепить снаряжение.

За двенадцать лет ноги Кеплера полностью и окончательно привыкли к армейским ботинкам Бундесвера. Он был рад, что ему больше не нужно носить берцы от Уорлд Вижн, которые были, честно говоря, совсем не плохи.

Не меньше, чем к ботинкам, Кеплер привык к своим перчаткам. Один боец СИЛ как-то подарил ему пару номексовых перчаток во время совместных учений. Они были из зелёной, огнестойкой и дышащей ткани, удобные и чувствительные, а их ладонная часть из тонкой прочной кожи серого цвета была противоскользящей. Такие перчатки в США использовали военные лётчики, но и солдаты спецподразделений носили их с удовольствием. Тот парень из СИЛ получил их от пилота Ф/А-18 и подарил Кеплеру, потому что оба любили Глоки и интересовались астрономией. Взамен Кеплер в одном кабаке, который держали немецкие эмигранты, напоил его до беспамятства пшеничным пивом. Кеплер был в таком восторге от перчаток, что раздобыл себе ещё две пары.

Все свои свитера, футболки и нижнее бельё из Бундесвера Кеплер тоже взял с собой. И свой многофункциональный нож. По сравнению с ним швейцарский офицерский нож годился только для того, чтобы производить впечатление на девушек.

Вечером третьего дня Кеплер отправился в город один. Это был ритуал: он всегда гулял по своему городу, если ему предстояло уехать надолго.

После этой странной прогулки, во время которой он впитывал в себя родину, ему захотелось пить. Он как раз проходил мимо бара и решил провести там последний вечер на Западе, прежде чем сесть за стол с семьёй для последнего завтрака. Он зашёл внутрь, заказал пиво и устроился на табурете. Его внимание привлекла молодая женщина за столиком на двоих у окна. Он тут же встал и подошёл к ней.

— Простите, пожалуйста, но мне нужно с вами недолго поговорить. Я где-то потерял свою жену. — Он демонстративно огляделся, так как девушка смотрела на него скептически. — Стоит мне заговорить с другой женщиной, — заявил он с абсолютно серьёзным лицом, — как моя появляется словно из ниоткуда. — Молодая женщина сдержанно улыбнулась. Она ещё раз осмотрела его, а затем тоже медленно и с нарочитым недоверием огляделась по сторонам. — Через десять секунд после того, как я получу ваш номер телефона, она будет здесь, — невозмутимо объяснил Кеплер очевидное противоречие в своём утверждении.

— Это ведь подкат, — предположила женщина.

— Да, — признал Кеплер. — Удачный? — осведомился он.

— Что-то новенькое, — уклонилась она.

— Вечно вы не можете дать прямой ответ на прямой вопрос, — пожаловался Кеплер. — Наверное, в этом и заключается большая часть вашего очарования.

— Присаживайтесь. — Женщина с улыбкой указала на стул напротив. — Майя, — представилась она. — И никаких шуток про пчёл, — тут же предупредила она.

— Бз-з-з, — прожужжал Кеплер, не ведая бровью. — Мне бы такое и в голову не пришло, — заверил он затем и протянул Майе руку. — Дирк.

Он заказал выпивку, и они заговорили о пустяках. Потом пришла подруга Майи. Сначала она косо поглядывала на Кеплера, пока он не развеселил её игрой слов, в которой провёл параллель между предлагаемыми здесь напитками и звездой Альфа Чаши, чьё арабское название «Алькес» означало «кубок». Они перебрались за столик побольше и продолжили беседу.

Кеплер старался много не пить — он не очень хорошо переносил алкоголь. После второго пива он перешёл на воду. Тем не менее присутствие двух красивых женщин и сама атмосфера бара усилили действие алкоголя, так что Кеплер всё равно чувствовал себя слегка подшофе.

Около полуночи Майя и её подруга собрались уходить.

— Нам пора, завтра рано вставать, — сказала она. Затем хихикнула и достала из сумочки визитку. — Не показывай её жене.

— У меня её нет, — признался Кеплер.

— Ну да, конечно. — Майя подмигнула ему. — Позвони на выходных или типа того.

Она помахала рукой, и они с подругой ушли.

— Будет ли это актуально через полгода? — пробормотал Кеплер, когда женщины обернулись в дверях и улыбнулись ему. — Вряд ли.

Он задержался в баре ещё на одну сигарету. Проходя по пути домой мимо здания, где располагалась охранный фирма и где состоялось то самое, столь поучительное для него первое собеседование, он остановился. Он поднял взгляд на тёмные окна и снова почувствовал раздражение на заносчивого юнца, который воображал, будто познал жизнь, а на деле не смыслил в ней почти ничего. Кеплер покачал головой и пошёл дальше.

Четверо мужчин, лениво шедших ему навстречу, выглядели очень развязно и самоуверенно. Они нагло вышагивали в ряд, занимая почти всю ширину тротуара. Тот, что шёл прямо на Кеплера, даже не подумал посторониться. У Кеплера оставалось всего полметра до стены слева, в то время как между парнями было около метра пространства. Досада, которую он ощутил мгновение назад, перекинулась на этих четверых спесивых типов. Кеплер тоже упрямо не сводил курса. Разговор четвёрки оборвался, когда они увидели, что он непоколебимо идёт на таран. Все четверо уставились на него. Кеплер ответил безразличным взглядом и напряг правое плечо. В тот момент, когда он поравнялся с идущим навстречу, он резко выставил плечо вперёд, превращая столкновение в удар. Мужчина охнул. Кеплер спокойно пошёл дальше. Но он услышал, что четвёрка остановилась.

— Эй! — донёсся до него вызывающий крик.

Кеплер сделал ещё два шага, остановился и обернулся. Это было правильное решение: четверо уже двинулись за ним. В свете витрины Кеплер заметил парочку, которая, пригнувшись, поспешно скрылась. Тем временем четверо встали прямо перед ним. В выжидающем молчании Кеплер и они изучали друг друга.

— Как насчёт извинения? — угрожающе спросил наконец тот, с кем он столкнулся.

— Слушаю, — пригласил Кеплер.

Все четверо тупо уставились на него.

— Это ты должен извиниться, — потребовал парень, явно опешив.

— За что?

— Ты меня толкнул, обезьяна, — тон мужчины стал угрожающим.

— Ты сам этого хотел, — спокойно констатировал Кеплер. — Тебе нравятся мужчины?

— Слышь, те жить надоело? — спросил другой. — Ты знаешь, кто мы такие?

— Догадываюсь, — насмешливо ответил Кеплер. — Идиоты? Я прав?

— Э, ты полегче, — предупредил один из них, закипая от ярости.

— А то что? Опять на меня экнешь?

— А то что я тебе яйца отрежу, понял?

— Ты? — Кеплер вложил в этот вопрос всё презрение и насмешку, на которые был способен. — Совсем один? Или эти трое сопляков тебе помогут? — Это подействовало мгновенно. Парень, который ему угрожал, выхватил из кармана нож-бабочку и ловко разложил его одной рукой. — Знаете что? — весело спросил Кеплер. — Вы мне как раз на руку.

Он бросился на них. Тот, что был с ножом, даже не успел заметить удара, сломавшего ему нос. Двое других так же быстро оказались на земле. У четвёртого было время среагировать, и он попытался ударить Кеплера ногой в голову. Кеплер без труда уклонился. Парень поднял руки и прыгнул вперёд, вытянув ногу. Кеплер снова без усилий сместился в сторону и просто подтолкнул его. Тот от неожиданности едва удержался на ногах. Теперь он выглядел растерянным и неуверенным.

— Смотри, это делается по-другому, — сказал Кеплер. — Он сделал шаг к парню и нанёс удары правой ногой: в колено, в плечо и в ухо. Он рассчитал силу так, чтобы противник едва удержался на ногах. — Понял? — спросил Кеплер. — Пасть широкая, как ворота амбара, — насмешливо констатировал он, — а вот с тхэквондо у тебя явные проблемы.

Тактика сработала, парень взбеленился.

— Я тебе рожу начищу! — пообещал он.

— Не-а.

— А потом я твою мамашу отымею!

— Вот этого, — произнёс Кеплер ледяным, пустым голосом, в котором не осталось и тени веселья, — тебе не следовало бы даже думать

Он оказался рядом с противником так быстро, что тот не успел даже попытаться среагировать. Только после второго удара в лицо он поднял руки. Кеплер легко преодолел слабую защиту. Ударом локтя он сломал парню челюсть. Удары под рёбра на мгновение удержали того в вертикальном положении, а затем Кеплер отправил его на землю сокрушительным круговым ударом ногой в голову. Лоб парня глухо стукнулся об асфальт. Он остался лежать неподвижно, под его головой начала расплываться лужа крови. Остальные трое тем временем поднялись на ноги и смотрели на Кеплера расширенными от ужаса глазами. Он прыгнул к ним. Тому, что был со сломанным носом, он ударом колена сломал ребро, и парень со стоном рухнул на землю. Тремя ударами Кеплер развёл скрещённые руки следующего и отправил его в нокаут мощным ударом в солнечное сплетение. Четвёртый тем временем начал приходить в себя и попытался сбежать. Кеплеру хватило секунды, чтобы догнать его и ударом по икроножной мышце сбить с ног. Затем он замер над ним. Он был не на войне, и он уже достаточно сильно избил этих людей. Он расслабился и опустил занесённый кулак.

— Ещё проблемы со мной есть? — всё же угрожающе спросил он. — Парень отчаянно затряс головой, не поднимая глаз. Кеплер рывком поднял его на ноги и посмотрел в упор. — Тогда собирай своих дружков и валите отсюда, — приказал он. — Увижу вас ещё раз — убью, — закончил он холодно. — Вызывай скорую.

Парень кивнул, и Кеплер нанёс ему удар, выбивший ему воздух из лёгких. Хрипя, он сложился пополам и упал на землю.

Глава 11

На следующий день после завтрака Кеплер попрощался с семьёй, и Йенс отвёз его в аэропорт Мюнстера.

Шесть часов спустя Кеплер уже был в лагере Уорлд Вижн. Вечером того же дня начальник лагеря отвёз его и остальных, кто направлялся в Судан, в Хитроу и усадил в Боинг 757 авиакомпании Бритиш Эйруэйз.

Группа по возможности поудобнее устроилась в эконом-классе. Шведка захотела сесть рядом с Кеплером. Вероятно, потому, что он не проявлял ни малейшего волнения. Другие мужчины в группе более или менее успешно скрывали нервозность, но она читалась на лицах у всех.

Полёт длился восемь с половиной часов. Кеплер с удовольствием бы поспал, но Роза была на взводе и говорила без умолку и довольно бессвязно. Он поддерживал беседу, чтобы она окончательно не потеряла самообладание. Когда они уже заходили на посадку в Хартуме, шведка нервно прильнула к окну. Она слегка вздрогнула, а затем посмотрела на Кеплера. Было видно, что она всерьёз сомневается, так ли хорошо она продумала это приключение.

В Хартуме их встретил сотрудник Уорлд Вижн, который помог им с формальностями при въезде. Затем он повёз их на разболтанном микроавтобусе Мазда через весь город к штаб-квартире суданского отделения Уорлд Вижн.

Микроавтобус был праворульным, и хотя в Судане с семидесятых годов было правостороннее движение, Кеплер видел очень много таких машин. Он надеялся, что его грузовик будет с левым рулём.

Его спутники тем временем оживлённо переговаривались с водителем и с любопытством смотрели в окна на пока ещё чуждый им мир суданской столицы.

На самом деле город был не таким уж большим, если не считать Омдурман и Эль-Хартум-Бахри. Центральная часть — сам Хартум — была вполне современным мегаполисом со множеством больших высотных зданий и широких улиц с оживлённым движением. Окраины же, напротив, представляли собой настоящие трущобы, где в жалких лачугах без самых элементарных вещей жили бесчисленные беженцы.

Микроавтобус миновал место слияния Белого и Голубого Нила и по мосту поехал дальше в Эль-Хартум-Бахри, самый маленький из трёх городов, образующих хартумскую агломерацию.

После относительно короткой поездки по пёстрому, крикливому и шумному миру, наполненному странными запахами, Мазда где-то на окраине города проехала через перекошенные ворота огороженной территории. Посередине водитель остановился и велел группе выходить.

Лагерь Уорлд Вижн производил впечатление хаоса. С одной стороны стояли покосившиеся сараи, с другой — различные транспортные средства. Над всем этим доминировал большой склад.

Кеплер надел солнечные очки, закинул рюкзак на плечо и пошёл вместе с остальными вслед за водителем. Было тропически жарко, около тридцати градусов, а в Мазде не было кондиционера. Кеплер чувствовал, как пот течёт по спине, страстно желал принять душ и подозревал, что в ближайшее время с мытьём будет туго.

В ангаре, наполовину заполненном мешками и бочками, водитель указал на угол, где было темно и температура казалась более сносной. Он попрощался и исчез.

Мужчина, сидевший за длинным столом, заваленным грудями бумаг, встал и поманил группу к себе.

— Добро пожаловать в Судан, — поздоровался он.

Он был ирландцем, его рыжие волосы были видны даже из-под арабского платка. В остальном он тоже был одет по местной моде: длинные белые брюки и такая же рубашка. Кеплер решил тоже носить платок — у него был один в рюкзаке. Он носил его ещё в Бундесвере, так как платок мешал меньше, чем мягкая панاما с широкими полями.

— Я Патрик Мур, — представился тем временем рыжеволосый, — что-то вроде местного управляющего. — Несмотря на улыбку, по нему было видно, что он страдает от недосыпа и чертовски устал. Он потёр глаза. — Вы останетесь здесь на несколько дней, пока не придёт конвой, с которым вы отправитесь в Кадугли. А пока поищите себе место для ночлега в бараках. — Он указал в сторону небольших строений. — Есть два мужских барака, один женский и один общий. В каждом бараке есть душ, туалеты на улице. Спросите кого-нибудь, вам покажут, где что находится. Мыться можно один раз, — он чётко выделил эти два слова, — в день, есть — дважды, утром и вечером, здесь или на улице. Еда для всех одинаковая. Разумеется, вы можете купить себе что-то в городе, но за это придётся платить самим. Телефон для связи с Европой здесь есть, но только для администрации и для экстренных случаев. Если хотите позвонить — в городе есть интернет-кафе, там связь хорошая.

Мур посмотрел на них по очереди, чтобы оценить эффект от своей речи. Шведка и бывшие офисные работники были раздавлены, что явно позабавило Мура. Двое его соотечественников и Кеплер остались спокойны. Кеплер был даже приятно удивлён уровнем комфорта.

— Ты учительница, — констатировал Мур, взглянув на Розу, и не стал ждать подтверждения. — Кто водитель грузовика? — Кеплер и двое ирландцев подняли руки. — Всего трое? — возмутился Мур. — Мне нужны семь! — Он перевёл взгляд на четверых англичан. — Что вы умеете? — Они нерешительно пожали плечами. — Микроавтобусы водить можете? — сокрушённо спросил их Мур. — Хотя что-то, — вздохнул он, когда мужчины кивнули, и посмотрел на Розу. — Можешь оставаться в бараке до ужина или осмотреть лагерь, — сказал он и слегка усмехнулся, глядя на шведку, затем снова стал серьёзным и кивнул Кеплеру и остальным. — Вы идёте со мной.

Он привёл их на стоянку. Там между двумя Ивеко стояла капотная Скания Т3. У неё была странная кабина, но руль был левым. Ещё там было семь Мерседес СК и четыре ДАФ 95. Между ними стояли микроавтобусы вроде той Мазды, на которой привезли группу.

— Вы четверо выбирайте себе по автобусу, — сказал Мур англичанам и посмотрел на Кеплера и ирландцев. — А вы — что-нибудь из больших. — Он неопределённо указал куда-то за грузовики. — Там мастерская. Ею руководит старый чернокожий, его зовут Буту, он даст вам ключи от машин. У нас сейчас всего два механика, и у них дел выше крыши. Так что проверяйте свои машины сами, — обратился он ко всем. — Вы выезжаете в Кадугли через три-четыре дня, к этому времени колымаги должны быть в норме и выдержать восемьсот километров. Если что-то понадобится, спрашивайте механиков, они дадут инструменты и запчасти, если те есть в наличии. Удачи.

Мур развернулся и пошёл прочь, не проронив больше ни слова. Мужчины сначала нерешительно переглянулись, а затем растерянно осмотрелись по сторонам.

— Скания моя, — отрезал Кеплер.

Его слова послужили сигналом: остальные неуверенно потянулись к машинам. Кеплер же направился в мастерскую. Она оказалась старым сараем, в который с большим трудом втиснули один грузовик. Кеплер замер в дверях. Было шумно, но он никого не видел.

— Дядя Буту! — крикнул он, пытаясь перекрыть визг болгарки.

Минуту спустя появился старик в синем рабочем комбинезоне. Он был лысым, с редкой козлиной бородкой и заметно прихрамывал.

— Чего тебе? — коротко спросил он.

— Ключ от Скании, — ответил Кеплер. — Пожалуйста, сэр.

— Ты новенький?

— Да, сэр.

Как и в немецком, в арабском языке существовала вежливая форма, но использовалась она иначе. Только к очень важным персонам, вроде королей, президентов или ректоров университетов, обращались на «вы». В повседневной жизни практически все говорили друг другу «ты», даже незнакомые люди. А обращение «сэр» среди простого люда и вовсе было редкостью. Видимо, поэтому вежливость Кеплера пришлась старику по душе. Его губы растянулись в улыбке, беспощадно обнажая отсутствие трёх четвертей зубов.

— Погоди, — сказал он уже дружелюбнее и укувылял вглубь сарая. Вскоре он вернулся и предал Кеплеру ключ. — Разбираешься в машинах? — спросил он.

— Немного, дядя Буту.

— С чего это ты зовёшь меня дядей? — удивился старик.

— А как мне ещё к тебе обращаться? — вопросом на вопрос ответил Кеплер.

Буту снова сверкнул беззубой улыбкой.

— Ладно, дядя — это нормально, — удовлетворённо хмыкнул он. — А тебя как звать?

Во время первого учения за границей один француз перекрестил Кеплера в Малыша Джо. Слово «Малыш» быстро отпало, а «Джо» осталось. Даже сослуживцы называли его так, когда они были за пределами Германии. Сейчас у него тоже начиналась другая жизнь, и Кеплеру хотелось дистанцироваться от своего прошлого и прежнего «Я».

— Джо, — ответил он.

— Ну что ж, Джо, приступай, — сказал Буту. — Если что понадобится — говори.

— Спасибо.

Скания оказалась трёхосным самосвалом с полным приводом. Она была родом с его родины — Кеплер понял это, когда увидел наклейку о техосмотре, на которой июнь двухтысячного года значился как срок следующей проверки. С тех пор прошло уже два года, но Кеплер всё равно обрадовался: машина должна была быть надёжной. Когда-то зелёный грузовик был наспех покрашен белой краской, а на дверях красовались выцветшие голубые надписи «ООН», «УВКБ» и логотип Уорлд Вижн. Звезда в центре логотипа была почти неразличима.

Кабина была в простом исполнении для ближних перевозок. В качестве компенсации за это на крыше красовалась гротескная надстройка — спальное место, которое явно приварили уже здесь, в Судане. Выглядело это сооружение кустарно, но было довольно просторным и имело откидное окно.

Кеплер завёл двигатель, который, к удивлению, схватил почти сразу, и проехал пару метров вперёд и назад. Затем сделал круг по двору. Сцепление выжималось с трудом, в остальном всё казалось более-менее в порядке. Он вернулся на стоянку, где двое ирландцев всё ещё спорили из-за одного из Ивеко: один был праворульным, другой — нет.

Остаток дня Кеплер провёл за инспекцией Скании. Он быстро нашёл причину тугого сцепления — штуцер рабочего цилиндра пропускал воздух. Подходящего шланга у Буту не нашлось, зато была армированная лента. Кеплер тут же намотал полрулона на трещину. После этого он сантиметр за сантиметром прополз под машиной. Обнаружил изношенные сайлент-блоки и лопнувший лист рессоры на переднем заднем мосту. Буту заявил, что резина — это вообще роскошь, и пока сами крепления целы, будет просто громыхать. С листом рессоры тоже, мол, ничего страшного — там их ещё достаточно осталось. Кеплеру такие аргументы не понравились. Буту в ответ весело поинтересовался, где он, позвольте узнать, собирался брать запчасти. Против этого довода Кеплеру возразить было нечего.

Старик, который смотрел на него с явным одобрением с тех пор, как он нашёл лопнувший лист рессоры, рассмеялся, угостил его чаем и целый час просвещал по поводу коварства местных дальних перевозок.

Вскоре над лагерем разнеслись крики: еда была готова. Кеплер запер рюкзак в грузовике и вместе с Буту пошёл к складу. У полевой кухни они пристроились в очередь. Пять минут спустя Кеплер получил миску с чем-то похожим на овсяную болтушку, кусок хлеба и ПЭТ-бутылку с водой. На складе были столы, но Буту решил, что на свежем воздухе будет вкуснее. Впрочем, выбора не было — хуже уже вряд ли могло быть.

Кеплер последовал за африканцем. Они уселись на землю в тени складской стены. Кеплер отогнал воспоминания о кулинарных талантах бабушки и Сары и принялся вычерпывать кашу. Если не смотреть в тарелку, на вкус эта штука была вполне сносной. Буту сначала наблюдал за ним с иронией, а затем — с уважением.

— Ты раньше был солдатом, Джо?

— Да, дядя Буту.

Старик одобительно кивнул. Кеплер вытер хлебом миску и открыл бутылку.

— Можно мне присесть к вам? — услышали они упавший духом голос.

Он поднял голову. Перед ними с перекошенным лицом стояла Роза, держа миску с едой на отлёте, чтобы не вдыхать её запах. Кеплер сделал приглашающий жест. Роза села рядом с ним и с отвращением уставилась на месиво. Затем она стала неохотно ковыряться в нём ложкой.

— Не смотри, — посоветовал ей Кеплер. — Просто заглатывай и не думай о том, что у тебя во рту.

— Я представляла себе всё это совсем иначе, — сказала Роза, смущённо и виновато. — Я чувствую себя такой... лишней.

— Ты ожидала, что нам, волонтерам, будет лучше, чем людям, которым мы должны помогать? — угадал её мысли Кеплер. — Здесь мы должны заботиться о людях, а не наоборот.

Роза закрыла глаза, глубоко вздохнула и начала есть. Кеплер и Буту обменялись понимающими взглядами. Розу пару раз едва не вывернуло, но она всё доела. Бутылку воды она следом осушила залпом.

— Как там бараки? — спросил Кеплер, чтобы отвлечь её. — У Розы ещё была вода во рту, но её взгляд был красноречивее слов. — А соседки? — тем не менее продолжил Кеплер.

— Две австралийки, несколько местных, а некоторых я ещё не знаю.

Они ещё какое-то время беседовали. Затем Буту ушёл домой. Когда стемнело, Кеплер и Роза пошли прогуляться, чтобы размять ноги. Тьма медленно опускалась на лагерь, и стало заметно холоднее. В нескольких местах лагеря вспыхнули костры, слышались музыка и пение. Кеплер и Роза прошли мимо нескольких огней, у которых сидели исключительно африканцы. Затем Кеплер заметил, что Роза дрожит. Он отвёл девушку к её барaku, забрал свой рюкзак и наугад выбрал одно из двух мужских жилищ.

Барак представлял собой длинный зал, в котором стояли два ряда старых двухъярусных кроватей со складов Британской армии. Кеплер спросил у какого-то человека про свободную койку. Ему указали на одну из них, и он расположился там. Мужчины на соседних койках посмотрели на него сдержанно, коротко поздоровались, а затем вернулись к своим делам. Тусклые лампы, излучавшие матовый жёлтый свет, вскоре погасли. В бараке стало тихо, если не считать всё чаще раздававшегося храпа.

Глава 12

Следующие несколько дней Кеплер провёл у Скании. Он нашёл ещё несколько мелких дефектов и устранил их. Затем долил воды в систему охлаждения и припас пару бутылок на случай, если мотор в пути закипит.

И постоянно, изо всех сил, он выуживал у Буту любые инструменты, которые только мог достать. Старый суданец раньше тоже был солдатом, и Кеплер, похоже, ему приглянулся. К тому же у него были — пока ещё — настоящие Мальборо, и Буту находил его уважительное обращение непреодолимо приятным. Старик ворчал, когда Кеплер приходил с очередной просьбой, но скорее для проформы, и в конце концов отдавал нужное. Потом они вместе курили и расходились, довольные друг другом.

С первого же вечера Роза постоянно была рядом с Кеплером. Девушка переживала культурный шок. Кеплер разговаривал с ней, пока возился с грузовиком, а ужинали они вместе с Буту. Как только старик уходил домой, Кеплер и Роза переходили на шведский. Он надеялся, что её наставничество поможет ей справиться с чувством собственной неприспособленности, а сам тем временем совершенствовал язык. И он был рад обществу красивой женщины.

— Можно мне поехать с тобой в Кадугли? — попросила Роза на третий вечер.

— С удовольствием, — честно ответил Кеплер.

Роза облегчённо улыбнулась.

— Хорошо. — Её взгляд стал смущённым. — Я чувствую себя здесь такой одинокой.

— Ты привыкнешь, — успокоил её Кеплер. — Просто некоторым нужно больше времени.

— Тебе, кажется, всё равно, — с завистью сказала Роза. Кеплер пожал плечами. — Где ты воевал, Дирк? — вдруг спросила она.

— Косово и Афганистан, — коротко ответил Кеплер.

Роза замолчала. Затем она положила ладонь на его руку.

— Ты ведь защитишь меня, если что-нибудь случится?

Ей было страшно. Она и сама толком не знала, чего, но страх был велик. Кеплер притянул Розу к себе и обнял её за плечи.

— Я защищу тебя, — пообещал он.

— Спасибо большое. — Роза с облегчением прижалась к нему. — Может, переберёмся вместе в общий барак? — спросила она, не глядя на него.

— Как пара? — весело спросил Кеплер.

Роза неопределённо пожала плечами.

В общем бараке, самом маленьком из всех, кровати были отделены друг от друга занавесками из ткани. Они обеспечивали хоть какую-то визуальную приватность, но совершенно не защищали от звуков. Кеплер лежал в темноте, слушая приглушённые, полные страсти стоны за перегородкой, и заставлял себя не прикасаться к девушке рядом с ним.

На следующую ночь Роза обняла его с нескрываемым желанием. Кеплер не был уверен, сделала ли она это потому, что он ей действительно нравился, или это была просто потребность в защищённости в чужом мире. Наверное, и то, и другое.

Во второй половине четвёртого дня в лагерь прибыли четыре тяжёлых грузовика. Чуть позже Мур появился рядом с Кеплером, который помогал англичанину менять тормозные колодки на его микроавтобусе. Вообще-то всю работу делал Кеплер, а англичанин лишь подавал ему инструменты. Роза наблюдала за ними. Мур вскользь поприветствовал всех, а затем созвал остальных водителей.

— Конвой прибыл, — сказал ирландец. — Люди будут отдыхать один день, послезавтра утром начнётся погрузка. Вы будете помогать, и с этого момента вы отвечаете за свой груз. Выезжаете на следующее утро вместе с остальными. В одном районе у Нила идут бои, так что слушайте тех, кто поопытнее, и делайте то, что вам говорят. — Мур взглянул на Розу. — Тебя там уже очень ждут. — Он улыбнулся ей и снова обратился ко всем: — Итак, послезавтра на рассвете все со своими машинами должны быть у ангара.

— Розочка, — обратился Кеплер к шведке, когда мужчины начали расходиться, — как насчёт того, чтобы прибраться в кабине? Особенно наверху. — Он усмехнулся. — Я хочу обнимать только тебя, а не пауков.

Роза улыбнулась, кивнула и ушла. Кеплер посмотрел на англичанина. Тот смущённо и растерянно улыбнулся — Кеплер говорил с Розой по-шведски.

— Ну, продолжим, — сказал Кеплер.

Глава 13

Вечером сразу после еды Кеплер поднялся с земли. Об одной вещи он до сих пор совершенно забыл.

— Мне нужно позвонить домой, — сказал он. — Дядя Буту, покажешь мне, где это можно сделать?

Старик кивнул, и Кеплер помог ему подняться. Роза тоже встала.

— Я пойду с тобой, ладно? — попросила она.

Буту шёл не очень быстро. У развилки недалеко от ворот он объяснил дорогу до ближайшего интернет-кафе и поковылял дальше по узкой тропинке, ведущей к скоплению жестяных и глиняных хижин.

Кеплер и Роза взялись за руки и пошли в город. Когда они добрались до одной из оживлённых улиц, уже смеркалось.

Хотя Бахри и был частью столицы, ни его освещение, ни сам город не могли соперничать с западными городами. И всё же улицы Бахри казались более живыми, чем многие европейские. Из бесчисленных лавчонок доносились ароматы экзотической еды, на каждом углу гремела музыка, а в креслах перед кафе сидели люди, весело переговариваясь. То тут, то там раздавались крики уличных торговцев, предлагавших свой товар.

Кафе на углу, описанное Буту, отбрасывало бледный неоновый свет на тротуар. Кеплер и Роза вошли внутрь. За компьютерами сидели молодые африканцы, которые мельком оглядели вошедших.

— Ты из Уорлд Вижн? — спросил человек за стойкой.

— Да, — ответил Кеплер. — Добрый вечер. Я хочу позвонить в Европу.

— О, с удовольствием, с удовольствием. — Мужчина услужливо улыбнулся. — Куда?

— В Германию.

— О, Германия! Германия — хорошая страна, прекрасная страна, — восторженно заговорил мужчина. — Идём, пожалуйста, идём. — Он подвёл Кеплера к одному из столов, на котором стоял телефон, и широким приглашающим жестом указал на стул: — Вот, пожалуйста.

Кеплер поблагодарил его и снял трубку. Владелец что-то подкрутил за стойкой, и послышался гудок. Кеплер набрал номер. В Германии было меньше времени, чем здесь, так что бабушка ещё не должна была лечь спать.

— Кеплер, — услышал он голос брата.

— Привет, Йенс.

— Дирк? — удивился брат с явным облегчением. — Ну наконец-то!

Секунды через три трубку взяла бабушка. Она осведомилась, как у Кеплера дела, дала ему около семидесяти советов, которые он принял с глубочайшим убеждением, и заклинала его быть осторожным. Только после этого она передала трубку Саре. Когда Кеплер услышал её «Малой», он заскучал по ней так сильно, что почувствовал физическую боль в сердце. Сара повторила примерно то же самое, что и бабушка, только в чуть сокращённом варианте.

— Я люблю тебя, малой, — сказала она на прощание.

— Я тоже тебя люблю, Сарочка, — ответил Кеплер.

— Дирк? — снова раздался голос Йенса. — Подожди секунду. — На другом конце какое-то время шептались. Йенс заговорил только тогда, когда бабушка, судя по всему, вышла. — У тебя неприятности, брат, — сказал он. — По самые уши.

— Это ещё почему? — растерянно спросил Кеплер. — Бабушка злится?

— Нет. Тебя ищет полиция.

— Из-за педофила?

— С этим покончено, — медленно ответил Йенс. — Но в твой последний вечер у тебя была драка...

— Откуда ты знаешь? — опешив, осведомился Кеплер.

— Они нашли твою ДНК. — Йенс кашлянул. — Дела плохи.

— Я избил этих парней, и что?

— Двое умерли, — глухо сказал Йенс. — Тебя разыскивают за убийство.

— Это нехорошо, — заметил Кеплер.

— Вот именно.

— Что ты сказал полиции?

— Правду, что же ещё?! Что ты в Африке.

— Они никогда не поверят, что это была самооборона, — пробормотал Кеплер.

— Когда ты вернёшься? — спросил Йенс.

— Когда придумаю, как доказать самооборону. В тюрьму я не сяду. Не из-за этих типов.

— Это были какие-то преступники, — настаивал Йенс. — И как ветерану тебе наверняка смягчат приговор.

— Йенс, у меня деньги кончаются, — солгал Кеплер. — Давай, счастливо, всем привет.

— Ладно. Но, брат, ты подумай...

Кеплер повесил трубку.

То, что эти парни оказались какими-то преступниками, выставяло дело в лучшем свете, но только для него лично. За убийство, даже преступников, приходилось платить. Кеплер не знал, как его жизнь пойдёт дальше. Но сначала его ждало полгода в Африке. Несколько мгновений он сидел и смотрел в стену. Теперь он был официальным убийцей. Ему потребовалась секунда, чтобы свыкнуться с этой мыслью.

Затем он почувствовал руку Розы на своём плече и отогнал тяжёлые мысли.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила шведка.

— Мне нужно крепко подумать, — ответил Кеплер.

По дороге назад он не проронил ни слова, пытаясь вспомнить ту пару, которая убежала перед дракой. Роза бросила попытки что-либо узнать о разговоре и вела себя тихо и сдержанно. Только когда они обнялись в постели, оба смогли расслабиться.

Утром через день Кеплер после своей ежедневной утренней пробежки был одним из первых у ангара.

В микроавтобусы грузили медикаменты. Ящики с палатками, водяными насосами и прочим имуществом распределяли по грузовикам. Самосвал Кеплера и ещё два открытых грузовика должны были перевозить мешки с кукурузной мукой. Водителям приходилось загружать свои машины почти в одиночку.

Никто здесь не заботился о допустимом весе. Или о технически разумном. Шестицилиндровому двигателю Скании мощностью в триста шестьдесят лошадиных сил предстояло тянуть перегруженную машину. Кеплер надеялся, что им не придётся слишком часто останавливаться — он беспокоился за сцепление. Но Скания была строительным грузовиком, а на таких в качестве пусковой муфты часто стоял гидротрансформатор. Кеплер залез под машину, которая сильно просела на рессорах, и постарался не думать о лопнувшем листе. Когда он снова встал рядом с кабиной, ясности не прибавилось: он так и не смог определить, есть ли там гидротрансформатор. Впрочем, это знание всё равно ничего бы не изменило. Кеплер похлопал по двери грузовика.

— Слушай, толстяк, — сказал он по-шведски, тоном, в котором смешались просьба и приказ, — ты ведь меня не подведёшь, правда?

Роза обошла капот и усмехнулась.

— Ты разговариваешь с машиной?

— Разговариваю, — подтвердил Кеплер. — А ты впаришь мне массаж.

— Впарю? — с сомнением переспросила Роза. — Массаж?

— Я перетаскал тонны кукурузной муки. И с завтрашнего дня мы будем целыми днями сидеть вон там, — Кеплер указал на кабину. — И никаких сидений на пневмоподвеске.

Вообще-то в Скании они были предусмотрены, но пневматика вышла из строя. Предшественник Кеплера компенсировал это лишь несколькими сложенными одеялами.

— Я тебя избалую, — пообещала Роза.

— Спасибо. Я сейчас только быстро закреплю груз.

Мур выдал Кеплеру старый брезент и верёвки. Чтобы ровно уложить мешки с мукой, накрыть самосвал и закрепить брезент, потребовалось больше времени, чем Кеплер рассчитывал. По крайней мере, ему помог тот англичанин, которому он чинил тормоза. Тем не менее на всё ушло два часа.

Едва добравшись до барака, Кеплер рухнул на кровать животом вниз и уснул ещё до того, как Роза закончила разминать ему плечи.

Глава 14

Утром Кеплер и Роза собрали вещи и пошли к ангару. Уезжающим завтрак давали раньше, чтобы они могли выехать вовремя. После еды поднялся начальник колонны.

— Слушайте сюда, народ, — крикнул он и подождал, пока все обратят на него внимание. — Для новичков: я Пьер. Вы едете в середине колонны. Впереди двое наших, потом вы на автобусах, затем ваши грузовики, Скания — последней. Двое наших замыкают. Если кто-то остановится, по какой бы то ни было причине — останавливаются все. Если нас прижмут ополченцы — сохраняйте спокойствие, не смотрите им в глаза, давайте только паспорта. Разговаривать будем мы. По поводу связи: наша частота 93,6, канал 4. Не трепитесь попусту, говорите только по делу. Это всё. Пошли.

Едва люди разошлись по машинам, колонна покинула лагерь. Роза была на взводе и выговаривала Кеплеру всё, что было у неё на душе.

Кеплер почти не слушал, всё его внимание было сосредоточено на сцеплении.

Лишь спустя долгое время после того, как колонна покинула Бахри и вышла на некое подобие загородного шоссе, его тревоги понемногу улеглись, хотя дороги, которые в Судане значили столько же, сколько в Германии автобаны, на деле были гравийными трассами. Лишь изредка попадались асфальтированные участки. Большинство из них были сильно изношены. На пути встречалось огромное количество машин, но о состоянии дорог, казалось, никто не заботился.

Колонна растянулась более чем на километр, чтобы обеспечить достаточное расстояние между машинами. Это позволяло немного приоткрыть боковые окна, не рискуя задохнуться в пыли, поднятой идущим впереди автомобилем, и не изнывать от жары. Кроме того, в лобовое стекло не так часто летели камни, которые выбрасывал впередиидущий.

Со скоростью сорок–пятьдесят километров в час конвой тащился на юг. Вскоре Кеплер подобрал подходящую для этого передачу. После этого ему оставалось лишь следить за дорогой.

Он рассчитывал примерно на двадцать часов чистого времени в пути до Кадугли и накинул ещё десять на всякие случайности. Путешествие растянется минимум на пять дней, резюмировал он.

В первый день они с трудом преодолели около двухсот пятидесяти километров и остановились на ночлег неподалёку от безымянной деревни. С рассветом они двинулись дальше и к одиннадцати часам достигли города Кости. Там они заправились, переехали через Нил, а затем повернули на запад в сторону Умм-Рувабы. Миновали Эль-Обейд, затем Диллинг, где снова заправились.

Теперь с возможностями заправки до Кадугли станет туго.

Чем дальше они удалялись от Хартума, тем слабее становилось арабское влияние и тем более африканской выглядела страна. Большинство деревень, часто вписанных в живописные холмистые ландшафты, состояли из соломенных хижин и разнообразных хранилищ для проса и арахиса. Между ними лежали светлые акациевые леса, открытые пастбища и поля проса. То и дело просторы пересекали русла высохших вади. Повсюду высились гигантские баобабы, определявшие облик ландшафта.

Африка очаровывала, но некоторые африканцы вызывали прямо противоположные чувства. Конвою то и дело приходилось регистрироваться в полиции. Это всегда затягивалось. Кеплер догадывался, что Пьер на самом деле просто торговался о размере взятки. Снова

и снова колонну останавливали и проверяли бойцы Народной армии освобождения Судана. После второго раза Кеплеру это перестало казаться забавным. Ополченцы вели себя напыщенно и размахивали своими АК, а профессионализм у них просматривался лишь в зачаточном состоянии.

Но зато радость простых крестьян от полученной помощи с лихвой окупала все притеснения. А по вечерам силы часто возвращал вид беззаботно танцующих людей, которые где-то посреди ничего, неподалёку от дороги, под навесом отдавались ритму музыки и махали проезжающему конвою.

Кеплер оказался прав в своих расчётах: им потребовался двадцать один час чистого времени в пути, около семи часов на сопутствующие формальности и почти шестьдесят на всё остальное до Кадугли — в общей сложности четыре дня.

Конвой прибыл в полдень, и его встретили необычайно радушно. Ещё до того, как началась разгрузка машин, всех прибывших пригласили к столу.

Глава 15

Кадугли, столица штата Джануб — Южный — Кордофан, была базой для нескольких миссий ООН и многочисленных частных гуманитарных организаций. Их объекты образовали своего рода отдельный городок, расположенный неподалёку от аэропорта, который находился под контролем ООН.

Лагерь Уорлд Вижн напоминал тот, что был в Бахри, но здесь было шумнее и гораздо пыльнее. Подавляющее большинство людей составляли африканцы. Среди более чем сотни местных Кеплер насчитал всего около двадцати белых.

Это и был его дом на ближайшие шесть месяцев.

После еды Кеплер вместе с Розой и несколькими рабочими отправился разгружать Сканию. Подойдя ближе, Кеплер увидел огромного мужчину, сидевшего на подножке кабины. У этого типа бицепсы были толщиной с чужое бедро, а зубы — ослепительно белыми, какие Кеплеру редко доводилось видеть, несмотря на сигарету во рту.

— Привет. — Мужчина поднялся, когда они подошли к грузовику, и опёрся на палку длиной в полтора метра. — Твой грузовик? — спросил он по-английски.

— Да, — подтвердил Кеплер.

Он заметил, что рабочие предпочли остаться в стороне.

— Я хочу его забрать, — заявил гигант. — Махнёмся, получишь мой. Гони ключи.

Кеплер смерил гиганта взглядом. Тот был невероятно силён, но это была лишь груда мышц, в которой не чувствовалось сноровки. Кеплер посмотрел на палку. Её диаметр составлял около трёх сантиметров. *Примерно как человеческая кость*, прикинул Кеплер.

— Ключи, мужик, — напомнил гигант и криво усмехнулся, глядя на Розу, которая стояла рядом, притихшая и бледная как полотно.

Кеплер сделал шаг к нему и указал на палку.

— Представь, что это твоя рука, — сказал он.

Он ударил основанием правой ладони по палке. Замаха почти не было, но в технике Дианьсюэ это и не имело значения. Палка сломалась. Кеплер выпустил её из рук, отступил на шаг и в развороте ударом ноги выбил сигарету изо рта гиганта. Он уже твёрдо стоял на обеих ногах, пока тот в оцепенении подносил свои ручки к лицу.

— Если ты всё ещё хочешь ключ, я тебя убью, — спокойно произнёс Кеплер.

— Э, э! — К ним подбежал африканец в белой рубашке. — Что здесь происходит?

— Всё нормально, — отозвался Кеплер. — Мы ведь все здесь, чтобы помогать людям в беде, верно? — Он посмотрел на гиганта. — Или хочешь продолжить?

— Нет, всё путём, — нехотя буркнул тот.

— Чудесно, — сухо бросил Кеплер.

Гигант молча ушёл, прихватив обломок своей палки. Отойдя на несколько метров, он обернулся и посмотрел назад. Кеплер ответил ему спокойным взглядом.

— Что это было? — спросил африканец в белой рубашке.

— Ничего, — ответил Кеплер. — Давайте разгружаться.

— Да, приступайте. — Африканец повернулся к Розе и широко улыбнулся: — Мисс Сёренссон, идёте, пожалуйста, вас уже очень ждут.

Один из рабочих во время разгрузки рассказал Кеплеру, что тот громила был печально известен своей задиристостью. После этого Кеплер решил ночевать в Скании. Он пожалел, что сломал только палку, а не руку этому типу.

Розу он увидел только вечером. Шведка хотела остаться с ним, тем более что её вещи всё ещё были в кабине. Она рассказала, что скоро отправится дальше — в деревню, где ей

предстоит работать учительницей. Послезавтра туда должен был пойти грузовик с продовольствием, и она планировала поехать на нём.

На следующее утро Кеплер разыскал ответственного за маршруты. Им оказался тот самый африканец, что забирал Розу. Кеплер попросил разрешения самому отвезти её в деревню, объяснив, что они пара. Африканец согласился, но при условии, что с ними поедет опытный сотрудник, который покажет дорогу и поможет в случае трудностей. Кеплер не возражал — поначалу он и сам не хотел иначе.

После разговора он начал загружать свою машину вещами, предназначенными для деревни. Он чертыхался про себя, так как часть мешков, которые он вчера выгрузил, сегодня пришлось закидывать обратно. К ним добавились другие продукты, коробки с медикаментами и ящики с сельхозинвентарём.

Момо, тот самый опытный сотрудник, пришёл познакомиться во второй половине дня. Он оказался щуплым чёрным пареньком лет восемнадцати, застенчивым и явно сражённым красотой Розы с первого взгляда. Он назначил выезд на время сразу после завтрака и ушёл.

Утром во время пробежки Кеплер заприметил ложбину за аэропортом. Он отправился туда и тренировался до самого заката. Вечером они с Розой устроились в спальном отсеке. Шведка, которая за последние шесть дней даже похудела, но стала выглядеть увереннее, взяла с Кеплера обещание, что он будет навещать её при каждой возможности. Он охотно пообещал.

На следующее утро они отправились в путь, посадив застенчивого Момо между собой в кабине. Деревня находилась всего в одном дне пути. Они ехали на запад, в сторону провинции Гарб — Западный — Кордофан, которая располагалась между Южным Кордофаном и тремя провинциями Дарфура.

Там бушевала война. Беженцы из Дарфура теперь прибывали в и без того небогатые здешние деревни. Для ООН это означало ещё более частые отправки гуманитарной помощи.

Момо знал здесь каждый уголок и быстро и уверенно вёл Кеплера к цели. Вечером они прибыли в деревню, где Розу тут же с восторгом приняли. Деревенские мужчины разгрузили грузовик, а затем Кеплер, Роза и Момо вместе с жителями деревни разделили весьма скудную трапезу — кашинеобразное блюдо из плодов баобаба. После этого им выделили хижину для ночлега. Однако Момо тут же перебрался в Сканию, чтобы не мешать Кеплеру и Розе в их пока что последнюю совместную ночь.

Глава 16

Спустя несколько недель жизнь Кеплера вошла в довольно размеренную колею.

Пять-шесть дней в неделю он был в разъездах — если Скания была на ходу. Если нет — он её чинил. Он жил в своём грузовике и совершал больше рейсов, чем другие водители. Причиной тому была его склонность к одиночеству.

С остальными сотрудниками Уорлд Вижн он почти не контактировал. Он был вполне способен работать в группе, но здесь предпочитал одиночество. Всю свою взрослую жизнь он провёл в жёсткой структуре армейских подразделений, где каждый знал своё место, всё шло по порядку и каждый мог — и должен был — положиться на другого. Особенно ярко это проявлялось в КСК, где он и его товарищи были отлично обученными, высококвалифицированными и узкоспециализированными солдатами.

Люди здесь представляли собой пёструю смесь из всех слоёв общества, и никто из них не служил в армии. Все были дружелюбны и готовы помочь, но Кеплер для них был таким же чужаком, как и они для него. Поэтому сближения не происходило. Кеплер к этому и не стремился.

Ещё одним моментом была вера. Уорлд Вижн — христианская организация, принимавшая представителей всех конфессий и даже иноверцев. Большинство африканцев в организации были христианами — меньшинством в мусульманском Судане. Большинство белых тоже были верующими христианами. Несмотря на культурные различия и то, что сотрудники обычно тяготели к группам по национальности или общим задачам, вера объединяла белых и африканцев. Кеплер был убеждённым не-атеистом, но не хотел иметь ничего общего с церковью.

Все эти аспекты в очередной раз делали его аутсайдером. Это был не первый подобный опыт в его жизни — и уж точно не последний. Ему было всё равно. В остальном он со всеми ладил, помогал там, где требовалось, и сам получал помощь, когда она была нужна.

Только с Момо всё было иначе. Щуплый африканец стал постоянным проводником и спутником Кеплера. Хотя Кеплер уже неплохо ориентировался в Южном Кордофани, он принимал это сопровождение, потому что в Африке вдвоём работать сподручнее. Момо был молод, во многих вещах совершенно неопытен и находился под впечатлением от Кеплера. Постепенно Кеплер рассказал ему, как провёл свою жизнь. Для Момо его история была захватывающей. Однако, когда тот начал задавать вопросы о личном, Кеплер дал понять, что обсуждать это не намерен. Сначала Момо был немного ошарашен, но потом они нашли другие темы. Широкий кругозор Кеплера делал его интересным собеседником. Во время долгих поездок они болтали обо всём на свете: от древнегреческой истории до нейтронных звёзд. Заветной мечтой Момо было учиться, лучше всего в университете в Европе или Америке, и Кеплер, вероятно, служил ему своего рода заменой. Польза Кеплера от этих бесед заключалась в том, что он постоянно совершенствовал свой арабский.

Кеплер никогда не ездил в Хартум, хотя этот маршрут считался простым, лёгким и щадящим для техники. Он куда охотнее проводил время в саванне. При этом он узнавал от Момо об укладе жизни суданских африканцев, их истории и обычаях, их взглядах на жизнь и её смысл, а также о том, как следует вести себя с ними белому человеку. Он также перенимал хитрости местных жителей, позволявшие выжить в пустыне или джунглях. Ещё одной причиной, по которой он неохотно участвовал в конвоях, была Роза. Он навещал шведку при каждой возможности.

Со временем Кеплер перестал думать о том, как разыскать свидетелей той драки. Где-то там у него был дом. И иногда ему хотелось снова увидеть улыбку бабушки. Но уезжать отсюда он больше не хотел.

Днём Африка очаровывала его. Таких прекрасных гор, саванн и лесов не было больше нигде в мире. Небо здесь играло большим количеством красок, чем над любым другим континентом, — и в дождь, и в сиянии солнца. А по ночам Кеплеру казалось, будто он засыпает у самого истока жизни. Как бы он ни уставал, прежде чем закрыть глаза, он даже спустя месяцы замороженно вслушивался через окно спальной кабины в темноту, вдыхал странный пряный аромат африканского воздуха и ловил голоса людей, поющих где-то свои песни, или звуки животных, наполнявших ночь душой. И когда ранним утром он просыпался у реки, которая из-за жары превратилась в тонкий ручеёк, но всё же означала жизнь, и когда пришедшие на водопой звери мирно смотрели на него, не видя в нём угрозы, его наполнял трепет перед творением и его созданиями.

Но хотя это изумление Кеплер ощущал каждое утро заново, оно никогда не длилось долго. Ведь в сверкающем свете пробуждалась и человеческая жестокость. Без неё Африка была бы тем местом, каким она была, когда на земле ещё существовал рай. Но континент давно забыл об Эдемском саде. И иногда жестокость не знала отдыха даже ночью. В такие ночи Кеплер слышал выстрелы. Тогда он засыпал без улыбки.

Именно это заставляло его ожесточаться, несмотря на красоту, многообразие и азарт новой жизни. Как и много лет назад в Косово, у него снова было чувство, будто он бьётся головой о стену. Он и его товарищи были там, чтобы помогать людям, готовые отдать за них свои жизни. Но смерти и страдания всё равно продолжались. Потом у американцев в какой-то момент лопнуло терпение, и за пять недель они вбомбили страну в состояние мира. Но Югославия находилась в самом центре Европы, а здесь они все были на таком краю света, что миру было плевать на происходящее. Запад здесь представляли скорее корпорации, чем политики. Западные фирмы интересовались сырьём и полезными ископаемыми Судана куда больше, чем нуждами людей. Стабильность их тоже интересовала, но её обеспечение они оставляли на откуп местным боссам. Пока деньги текли рекой, западников не волновало, кому и какие жертвы приходится ради этого приносить. Те же выходцы с Запада, кто действительно хотел помочь, надрывались, чтобы облегчить боль и нищету беднейших из бедных. Они делали это, не имея никаких видов на успех.

Конфликт в провинциях Дарфура требовал всё новых жертв и вынуждал всё больше людей бежать. Как следствие одновременно идущей второй гражданской войны в Южном Судане, повсюду в африканской части страны местные полевые командиры восставали против центрального правительства в Хартуме и попутно грызлись между собой. Итогом становилось всё большее число убитых, раненых и изгнанных из своих домов. Каждый раз, когда Кеплер приезжал в деревню, которой часто даже не было на карте, там обнаруживалось ещё несколько человек, нуждающихся в помощи. Кеплер был рад, если дело ограничивалось только этим и он не находил трупов.

Но когда он разгружал Сканию в деревнях, он видел ненависть в глазах людей. Они ненавидели его, потому что он был нужен им для выживания. И они любили его безоговорочно по той же самой причине.

И он тоже ненавидел их, а ещё больше — самого себя, потому что его помощь ничего не меняла. Он сидел за рулём почти непрерывно. Он учил Момо водить и пускал его за руль, когда сам уже был не в силах вести, — только чтобы сделать больше рейсов. Для этого ему приходилось торговаться за дизель, он из кожи вон лез, чтобы достать запчасти. Однажды он сорвался в бессильном гневе, когда не смог выехать на полностью гружёной машине: сломался обратный клапан, и он не мог снять машину с ручника. В Германии эта штука стоила сущие копейки — в Судане её было не достать. Кеплер разжал тормоз механически и поехал на свой

страх и риск, понимая, что не сможет остановиться, если откажет рабочий тормоз. Когда он останавливался, ему приходилось держать педаль тормоза нажатой, пока Момо выпрыгивал из грузовика и подкладывал под колёса специально сделанные деревянные башмаки. Оставлять Сканию на передаче было слишком опасно – тормозная система повсюду стравливала воздух, и если бы она опустела, Кеплер не смог бы выжать сцепление — тогда трансмиссия заблокировала бы двигатель, и его невозможно было бы завести.

Тормозную систему Кеплер латал постоянно, но армированный скотч быстро протирался. Кеплер отказывался от звонков домой, от шоколада для Розы, от всего, кроме редкой пачки вонючих сигарет, пока не скопил достаточно карманных денег, чтобы купить на чёрном рынке подержанный обратный клапан и пять метров тормозного шланга. Этот день стал для него настоящим Рождеством.

Он чувствовал себя безумным хомяком, который бежал всё быстрее в разболтанном колесе. Он сам, Уорлд Вижн, ООН — все они. Точно так же, как в бывшей Югославии, Кеплер мечтал об огромной пушке, чтобы заставить полевых командиров, которые никак не могли договориться между собой, прийти к благоразумию.

Глава 17

Через три месяца после приезда Кеплера в Южный Кордофан в окрестностях Курдуда, города к югу от Кадугли, заговорили о новом ополчении. Некто по имени Абуди провозгласил себя генералом очередной освободительной армии и теперь ваял собственное королевство. Абуди знал, что делает: два месяца спустя под его контролем была территория вдвое больше первоначальной, и продолжала расширяться.

По слухам, Абуди действительно дослужился в суданской армии до генеральского звания. Но он и его офицеры были чернокожими африканцами, и в арабских структурах власти Судана они не могли продвинуться так далеко, как им позволили бы иные обстоятельства. Поэтому они, так сказать, пустились в свободное плавание.

До этого момента всё шло по сценарию вполне заурядной африканской карьеры. В остальном же Абуди был полевым командиром невиданного прежде толка. Он не прогонял крестьян, а защищал их. Разумеется, он взимал с них плату, но не слишком обременительную. Гуманитарную помощь на своей территории он пропускал без каких-либо притеснений и привычных взяток, а в особо опасных районах даже предлагал сопровождение. Он постоянно расширял свои владения и с помощью иностранных фирм даже снова запустил постепенно гнившие промышленные объекты. Для этого он принуждал людей на подвластных землях к труду. Это приносило ему большие деньги. Но своим квази-подданным он тоже оставлял немного, так что они работали на него охотно. Абуди отнюдь не был мягкотелым, однако о расстрелах в его владениях слышали гораздо реже, чем в районах, подконтрольных другим полевым командирам.

Кеплер втайне уважал генерала, потому что на его территории царил более или менее прочный мир и некое подобие государственного порядка.

Спустя шесть месяцев командировки Роза улетела домой. На вопрос Кеплера, вернётся ли она, она ответила туманным, уклончивым «может быть».

Кеплер в это не верил. Роза, которая спустя первые недели в Судане наконец преодолела шок, сначала стала жизнерадостной. Она с самоотдачей работала в школе и участвовала в общественной жизни деревни, в которой жила. В отличие от Кеплера, ей удалось найти общий язык с людьми, которым она так хотела помочь.

Вероятно, это её и сломало. В последние недели перед отъездом Розу, казалось, мучили те же мысли, что и Кеплера. Безысходное положение людей и отсутствие у них каких-либо перспектив — всё это делало Розу всё более меланхоличной.

В конечном счёте Кеплер оказался прав — она не вернулась. Наверное, она лежала где-нибудь в Швеции, зажав подушку в зубах, и выплакивала все глаза оттого, что бросила этих людей на произвол судьбы. Но у неё просто не было сил приехать ещё раз и снова взяться за этот сизифов труд.

Кеплер понимал её; вероятно, он поступил бы так же, если бы мог вернуться домой. Или нет. Но этого он никогда не узнает. Какое-то время он скучал по Розе, потом она постепенно стала лишь воспоминанием.

За всё это время Кеплер звонил домой только дважды. В первый раз семья пыталась уговорить его вернуться. Кеплер запретил эту тему. Он просто хотел слышать их голоса, причём без печали в них. Он потребовал исправиться и повесил трубку. Во второй раз никто об этом не заговаривал, но печаль никуда не делась.

На христианские праздники в Судане обычно обострялось насилие против немусульман. Так что на рождественские праздники Кеплер был чуть ли не единственным белым в лагере Уорлд Вижн. Другие западники либо уехали в отпуск домой, либо отправились в Кению вместе со многими суданцами. В Кении большинство населения составляли христиане, и страна не была так сильно охвачена беспорядками.

В эти дни Кеплер скучал по Розе чуть сильнее. Момо заметил это и притащил его к своим родственникам, которые тихо и тайно отмечали величайший праздник христианства. Семья Момо приняла Кеплера радушно. Он даже получил подарок. Это был всего лишь платок, но он почувствовал, что этот подарок сделан от чистого сердца. Потеряв дар речи от неожиданности, он стоял перед широко улыбающимися родными Момо, не зная, что сказать, и лишь смущённо благодарил их. Африканцы, казалось, были очень счастливы видеть его радость.

Глава 18

На утро после Нового года Кеплер должен был отправиться в очередной рейс, который должен был занять четыре дня — если не случится ничего непредвиденного. Путь лежал на юг, целью была небольшая деревня на территории Абуди. Последний раз Кеплер проезжал там пять месяцев назад, и до сих пор ему не приходилось иметь дела с ополченцами Абуди. Он не особо беспокоился встречей с ними, но был рад, что Момо едет с ним. С местным было всегда лучше, пока ополченцы тебя не знали.

Накануне вечером Кеплер, Момо и несколько рабочих загрузили в Сканию продукты и ящик с водяным насосом.

Утром в день отъезда Кеплера ждал неприятный сюрприз. Вернувшись с пробежки, он увидел, что около тридцати африканцев шумно и как нечто само собой разумеющееся забираются в Сканию. Грузовик был полностью загружен, но между грузом и верхним краем бортов оставалось ещё около метра места. Кеплер увидел Момо, стоявшего рядом с людьми.

— Момо! — крикнул он. — А ну, живо сюда!

Молодой африканец с улыбкой подбежал к нему. Он перестал улыбаться, когда Кеплер стиснул его руку.

— Эй, Джо, — прохрипел он. — Что-то не так?

Кеплер хмуро указал на «штурм» Скании.

— По-твоему, это выглядит нормально? Что это будет?

— Это беженцы из Дарфура, мы берём их с собой, — объяснил Момо. Видя, что недовольство Кеплера не проходит, он умоляюще посмотрел ему в глаза. — Это христиане, и Абуди их не трогает. Пожалуйста, Джо?

Кеплер не любил брать пассажиров и по возможности этого избегал — в конце концов, для этого были автобусы. Но раз он всё равно ехал в ту сторону, любое другое решение было бы лишь напрасной тратой ресурсов.

— Ладно, — буркнул он. — Я в душ. — Он ткнул Момо указательным пальцем в грудь. — А ты поговори с администрацией, пусть дадут нам больше еды. Если мы заявимся в деревню с тридцатью ртами без дополнительных запасов, те начнут ворчать. У меня нет ни малейшего желания выслушивать нытьё, как и тащить всю эту ораву обратно. Давай, пошевеливайся.

— Я знаю, почему мне больше всего нравится ездить именно с тобой, — отозвался Момо.

Он побежал к беженцам и принялся им что-то объяснять. Несколько мужчин спрыгнули на землю и гуськом пошли за Момо в сторону склада.

Но в Африке всё затягивалось — как всегда. Кеплер принял душ, позавтракал, выпил две чашки кофе, а дело всё стояло. Солнце уже полностью взошло. К этому времени Кеплер планировал быть в пути уже целый час.

Он подошёл к Скании и обложил криком каждого, кто попался под руку: Момо, беженцев, лениво копошившихся помощников. Хотя в Уорлд Вижн он редко бывал на виду, репутация у него была та ещё. Внезапно всё закрутилось удивительно быстро. Дополнительную провизию погрузили, как и мелкую живность в виде четырёх коз. Наконец все расселись и широко улыбнулись Кеплеру. Его гнев улетучился при виде этих ухмыляющихся лиц, он невольно улыбнулся в ответ. Он залез в кабину, Момо юркнул следом.

Едва они покинули Кадугли, как беженцы затянули бесконечную песню. Пение перекрывало рокот дизеля и грохот подвески. Кеплер какое-то время с тревогой поглядывал в зеркала: среди пассажиров были и дети. Малыши по природе своей очень любопытны, и Кеплер то и дело видел маленькие головки, высывающиеся над бортами. Но родители тут же затаскивали своих отпрысков обратно.

Со временем Кеплер расслабился и прибавил ходу. Тем не менее он ехал не так быстро, как обычно, чтобы пассажиров не слишком трясло, пожертвовав примерно пятнадцатью километрами в час. Ещё одним неудобством перевозки людей были их естественные потребности. Не проходило и получаса, чтобы кто-нибудь не стучал по кабине. Кеплер останавливался, дела делались, и путь продолжался.

Из-за задержек в первый день они преодолели лишь около двух третей запланированного пути. Переночевали неподалёку от деревни, а на следующее утро двинулись дальше после крика Кеплера. Днём они достигли территории генерала Абуди. До места назначения оставалось меньше десяти километров, когда Кеплер остановился у акациевой рощицы. Было уже почти темно, и он не хотел рисковать машиной на такой местности. Разгрузиться и поехать назад до ночи он всё равно бы не успел, так что большой разницы — вернуться в Кадугли на полдня раньше или позже — не было.

Его пассажиры развели костры, скромно поужинали, немного попели, и постепенно воцарилась тишина.

Глава 19

На следующее утро Кеплер встал первым. Он выбрался из кабины и начал делать разминку. Солнце как раз вставало. Местность не слишком подходила для бега, но Кеплер побежал вдоль следов, оставленных Сканией. Он бежал чуть более тридцати минут, затем развернулся и направился обратно. С каждой минутой становилось всё светлее. Если его пассажиры поспешат, он сможет отправиться в обратный путь уже к полудню.

Он уже слышал шум голосов из лагеря, когда из кустов у обочины перед ним выскочил человек в камуфляже и наставил на него штурмовую винтовку. Кеплер мгновенно остановился и поднял руки.

— ООН, — чётко произнёс он, — Уорлд Вижн.

Ополченец посмотрел на него с недоверием. В своей одежде, с разгрузочным жилетом и прочем снаряжением, Кеплер больше походил на солдата, чем на гуманитарного работника.

— Я водитель грузовика вон там, — сказал он по-арабски.

Ополченец молча указал стволом оружия, чтобы тот шёл вперёд. Кеплер кивнул и спокойным шагом прошёл мимо него. Руки он опустил, но держал их на виду, чуть в стороне от тела. Чтобы полностью оценить ситуацию, он замедлял шаг по мере приближения к лагерю.

На поляне он увидел тридцать вооружённых людей. Двенадцать были в старой форме суданской армии, на остальных были только форменные куртки, а брюки представляли собой пёструю смесь из джинсов и ткани. Но ополченец, стоявший рядом с Момо, был в полной форме, даже с погонами. Это был командующий офицер.

Ополченцы стояли только с одной стороны поляны, они не окружили лагерь. У большинства оружие висело на плече стволом вниз, лишь немногие держали свои АК в руках, но тоже не в боевой готовности. Кеплер вглядывался в лица ополченцев. Они были спокойны. Он посмотрел на Сканию. Беженцы стояли в ряд перед грузовиком. Они выглядели испуганными, но не паниковали. Офицер хоть и смотрел угрюмо, но, судя по всему, вполне спокойно разговаривал с Момо. Это была просто проверка. Кеплер расслабился. Момо увидел его и сказал что-то командиру, который после этого посмотрел на него ещё мрачнее. Это Кеплеру не понравилось. Только тут он заметил, что Момо выглядит напуганным. Обычно в таких ситуациях он таким не был, и это не понравилось Кеплеру ещё больше. Он быстрее пошёл дальше, по-прежнему держа руки на виду. Когда он остановился рядом с Момо, офицер удостоил его лишь коротким оценивающим взглядом.

— Документы, — потребовал он по-английски. У него был неприятно раздражённый, лающий голос, как у сварливого человека. Кеплер медленно полез в левый нагрудный карман, вытащил своё заламинированное удостоверение Уорлд Вижн и протянул его офицеру. Тот мельком взглянул на него. — Твоё разрешение на проезд здесь.

— Генерал Абуди гарантирует ООН полную свободу передвижения, — вставил Момо по-арабски.

— Ты не лезь! — прикрикнул на него офицер.

— Но... — снова начал Момо. Офицер ударил его по лицу. Удар был несильным и для Момо не первым, но о таком произволе со стороны людей Абуди до сих пор слышать не приходилось. Момо ошарашенно уставился на офицера. Затем пришёл в себя. — Мы из Уорлд Вижн и везём продовольствие и беженцев в Пачуай, — начал он снова.

Офицер замахнулся. Но ударить не успел. Кеплер толкнул его в плечо и перехватил за предплечье.

— Нет причин его бить, — ледяным тоном произнёс он по-арабски.

Офицер на мгновение замер от удивления. Затем он ударил Момо левой рукой, повернул голову к Кеплеру и вырвал руку из его захвата.

— Ты кто такой, чтобы здесь вякать, белая крыса? — захотел он знать.

— Никто. Но оставь его в покое, — спокойно ответил Кеплер.

Офицер выхватил пистолет и ткнул им ему под нос.

Прошло много времени с тех пор, как Кеплер участвовал в боевых действиях. Но когда ему начали угрожать оружием в упор, он среагировал инстинктивно, не раздумывая, мгновенно и решительно. Офицер всё ещё злобно ухмылялся, когда Кеплер выкрутил Беретту из его руки. Он выбросил магазин, передёрнул затвор, чтобы заряженный патрон вылетел из патронника, а затем за два удара сердца разобрал Беретту и отбросил затвор со стволом и рамку в разные стороны.

Всё произошло так быстро, что ни один ополченец не успел вскинуть оружие. Кеплер снова стоял безоружным и смотрел на офицера, пока ополченцы в замешательстве зашевелились.

— Ты за это заплатишься, — медленно произнёс офицер.

Кеплер сразу в это поверил. Его поступок был абсолютно идиотским — офицер не мог просто так спустить это на глазах у своих людей. Но, возможно, эта провокация приведёт к тому, что офицер оставит в покое невинных беженцев и заставит расплачиваться только одного Кеплера.

— Прошу прощения, — начал он примирительным тоном.

Офицер хотел его ударить, но внезапно замер. Он явственно скрипнул зубами и опустил уже наполовину поднятый кулак. Кеплер удивился, но потом понял. Офицер вспомнил, какому генералу он служит. Кеплер был защищён гарантированной Абуды свободой передвижения для ООН, и его нельзя было убивать. Офицер, видимо, уже предвкушал, как проучит его. Теперь его предвкушение исчезло, а лицо стало растерянным.

— Ты напал на меня, — прорычал он протяжно с угрозой.

— Мне очень жаль, — ещё раз извинился Кеплер. — Ты же видишь, что беженцы очень напуганы, а я за них отвечаю. Я поступил необдуманно, пожалуйста, извини меня. Я только хотел предотвратить случайный выстрел, я слышал, генерал Абуды такого не терпит.

— Ты пойдёшь со мной, — отрезал угрюмый офицер.

— Но... — начал Кеплер.

— Остальные могут ехать.

— Хорошо, спасибо, — сразу сказал Кеплер, облегчённо выдохнул и повернулся к Момо. — Езжай осторожно, осталось всего десять километров, — приказал он быстро и настойчиво, опасаясь, что офицер может передумать и всё же не отпустить беженцев. — Встретимся в деревне.

— Джо... — пролепетал ошарашенный Момо.

— Вези людей отсюда, — прошипел Кеплер. — Немедленно.

Тем временем офицер махнул двум ополченцам в форме. Они подбежали к нему. Офицер дал краткое указание. Один ополченец вытащил из кармана длинную тонкую верёвку, другой держал свой АК наготове. Кеплер протянул первому руки. Ополченец покачал головой.

— Нет, обернись, — приказал он.

Кеплер подчинился и глазами подал знак Момо, чтобы тот быстрее сажал беженцев и уезжал. Наконец парень опомнился и крикнул беженцам, чтобы те залезали. Неуклюже, но в то же время с почти паническим облегчением люди начали карабкаться в кузов.

Офицер подошёл к Кеплеру, убедился, что его руки связаны, и медленно, основательно осмотрел его с ног до головы. Кеплер спокойно смотрел в ответ. Офицер широко размахнулся и ударил его кулаком в губы. Губа Кеплера лопнула, он почувствовал во рту солёный вкус крови. Офицер прорычал сквозь зубы и потряс кулаком, лицо его исказилось от боли. Ополченец потянул Кеплера за руку.

Он нехотя двинулся с места, желая убедиться, что Момо действительно мог уехать. Когда он и его конвоир достигли края поляны, Кеплер наконец услышал рёв дизеля Скании, а затем скрежет коробки передач. Раздражённый этим звуком, Кеплер покачал головой.

Скания съехала с поляны. Никто из ополченцев, казалось, не собирался её преследовать, все они готовились к маршу. Кеплер облегчённо вздохнул.

Глава 20

Спустя пять часов пешего марша по более или менее труднопроходимой местности, в направлении, перпендикулярном первоначальному маршруту Кеплера, они прибыли в Верианг.

Кеплер знал эту деревню — шесть месяцев назад он привозил сюда продовольствие. Она состояла из добротных глинобитных хижин и прежде считалась одной из самых богатых в округе. Верианг и при первом посещении показался ему крупным, но теперь он разросся ещё сильнее. Здесь появилось несколько улиц и два больших здания из настоящего кирпича. Одно из них, двухэтажный дом, возвышалось на просторной площади в самом центре поселения.

Верианг превратился в настоящий опорный пункт, как и Кхомо — деревня-спутник в полукилометре отсюда, через которую только что проследовал отряд.

Кеплера отвели к двухэтажному каменному зданию. После того как офицер с кем-то переговорил, двое охранников доставили Кеплера в довольно просторный кабинет на верхнем этаже. Его усадили на стул перед письменным столом, занимавшим центральное место в кабинете, и привязали.

В течение следующего часа в кабинет то и дело заходили люди и молча клали на стол какие-то бумаги. В отличие от ополченцев, на них была настоящая форма, и, если Кеплер правильно истолковал знаки различия, они имели более высокие звания, чем офицер, взявший его в плен.

В кабинет вошёл невысокий человек. Его форма была чистой, опрятной и скромной. У него не было знаков различия ни на погонах, ни на воротнике. Мужчина также положил документ на стол, а затем повернул голову. Его глаза сразу привлекли внимание Кеплера. В них читались очень живой, внимательный ум и огромная сила воли.

— Сэр, вы не могли бы распорядиться снять с меня путы на запястьях? — попросил он.

Его руки были связаны уже более шести часов, верёвка всё глубже врезалась в кожу. Кеплер почти не чувствовал кистей, кровоснабжение практически остановилось.

— С чего вы взяли, что я здесь что-то решаю? — поинтересовался невысокий человек.

Его голос, манера речи и артикуляция звучали очень образованно.

— Ну, вы же здесь главный, — ответил Кеплер. — Генерал Абуду, верно?

Мужчина рассмеялся.

— А вы не промах, — признал он с одобрением.

Он зашёл за спину Кеплера, и тот услышал щелчок раскрываемого ножа. Путы были разрезаны, даже те, что привязывали его к стулу.

— Благодарю, — сказал Кеплер и начал растирать запястья, чтобы восстановить циркуляцию крови.

Мужчина сел в кресло по другую сторону стола. Он наклонился вперёд, опёрся предплечьями о столешницу и посмотрел на Кеплера.

— Я действительно генерал Абуду, — сказал он. — А вы кто такой?

Абуду представлял собой клубок африканских странностей. Даже за короткое время своего плена Кеплер заметил, что его офицеры обращались к ополченцам на «ты», в то время как те к ним — на «вы». Теперь генерал обращался к нему на «вы». Возможно, потому что хотел казаться вежливым. В сложившихся обстоятельствах Кеплеру это даже показалось в каком-то смысле милым. Но впечатления на него не произвело.

— У вас моя идентификационная карта Уорлд Вижн.

— Хм, — произнёс генерал, достал удостоверение из кармана и бросил карточку перед собой на стол. — Дирк Кеплер. Национальность?

— Немец, разве там это не указано? — небрежно бросил Кеплер, продолжая массировать запястья.

— А вы, я погляжу, крепкий орешек. — Абуди посмотрел на него с удивлением. — Другие бы в такой ситуации в штаны наложили.

Кеплер задался вопросом, размышляет ли генерал о мере его наказания. Но, как и тогда на поляне, ему было почти всё равно.

— И чем бы это помогло? — поинтересовался он.

Абуди коротко хохотнул, затем снова стал серьёзным.

— Вы страдаете атараксией? — осведомился он.

— Нет, — отозвался Кеплер. Но Абуди продолжал смотреть на него с подозрением и ожиданием. — Атараксия — это эмоциональный настрой, и я не намеренно невозмутим. У меня индолентность, — добавил он.

— Что это такое? — заинтересовался генерал.

— Физическое и психическое безразличие к боли. — Кеплер пожал плечами. — Я просто туп, — добавил он не по-научному.

Абуди некоторое время задумчиво и испытующе разглядывал его.

— Да, — начал он затем тяжёлым голосом, — и в своём явном отупении вы напали на одного из моих офицеров.

— Если он позволяет так отобрать у себя оружие, то он не офицер, — насмешливо парировал Кеплер. — У вас ополчение, господин генерал, а не армия.

— Верно, — тут же открыто согласился Абуди. — Для сотрудника ООН вы что-то слишком много понимаете в военных делах, — констатировал он выжидающе. Кеплер никак не отреагировал. Абуди откинулся в кресле и стал изучать его взглядом. — Спецназ? — поинтересовался он.

— Зачем вам это знать? — спросил Кеплер в ответ.

— Информация очень важна, — вежливо, но тоном, не терпящим возражений, наставил его Абуди. — Если вы не против, конечно, — добавил он.

Кеплер недолго размышлял. Скрывать что-либо не имело смысла. Возможно, откровенность даже поможет выбраться отсюда живым — генерал не выглядел одержимым жаждой мести.

— Командование специальных сил Бундесвера, — ответил он.

— И чем вы там занимались?

— Был снайпером, разведчиком и инструктором по рукопашному бою. Больше мне об этом говорить не положено. — Кеплер сделал паузу. — Если вы не против.

— В каком звании вы были?

— Фельдфебель. Что-то вроде сержанта.

— На каких языках вы говорите, помимо немецкого, английского и арабского?

— Сносно на испанском, итальянском, шведском, русском, мандарине и французском, и немного на польском, сербском, пушту, дари, тигринья, суахили и моро.

— Впечатляюще, — похвалил генерал.

— Спасибо, — сухо отозвался Кеплер. — Но я знаю их лишь настолько, чтобы не пропасть и производить впечатление на женщин.

Абуди окинул его взглядом.

— И почему вы теперь в Уорлд Вижн? — сменил он тему, задумчиво растягивая слова.

— Нужно же чем-то заниматься, — уклончиво ответил Кеплер. — Чтобы мозги не ржавели.

— Вам там нравится? — поинтересовался Абуди с тонкой улыбкой.

— Нет, — честно ответил Кеплер.

— Почему?

— Нельзя сказать, что это совсем бессмысленно. — Кеплер открыто посмотрел на Абуду.

— Но по-другому я сформулировать не могу.

— Почему же вы тогда остаётесь?

— Я не могу вернуться домой.

— Вы дезертир? — опешив, спросил Абуду.

— Нет, у меня проблемы с полицией.

— Какого рода? — полюбопытствовал теперь уже с явным интересом маленький генерал.

— Вряд ли вы меня выдадите, — рассудил Кеплер, внезапно развеселившись. — Я избил на улице пару идиотов. Двое умерли.

— Боже мой. — Абуду посмотрел на него и долго ничего не говорил. Он поднял глаза к потолку, погружённый в свои мысли. Несколько раз его взгляд скользнул по Кеплеру. — Хотите выпить? — спросил он вдруг.

— С удовольствием, — благодарно ответил Кеплер.

Абуду позвонил в колокольчик. Через несколько мгновений в дверях показалось лицо человека из приёмной. Генерал заказал кофе, чай и воду.

— Алкоголя у меня нет, — сказал он выжидающе, когда дверь снова закрылась.

— Я прекрасно обхожусь без него, — отозвался Кеплер.

Они молчали, пока не вошёл вестовой, подал напитки и удалился.

— Прошу, — пригласил Абуду жестом руки.

— Благодарю.

Кеплер налил стакан воды и выпил его залпом. Он повторил это ещё раз и только потом, под насмешливым взглядом Абуды, наполнил две чашки кофе. Генерал поблагодарил его. Они молча сделали несколько глотков, затем Абуду изящным движением поставил чашку на стол и посмотрел на Кеплера.

— О смене работы не задумывались? — спросил он.

Кеплер удивлённо взглянул на него.

— Вы что, хотите предложить мне место?

— Да, — спокойно ответил генерал.

— Наёмником?

— Да, — отчеканил Абуду.

— Спасибо, нет, — твёрдо отрезал Кеплер.

— Вы сначала послушайте, — резко потребовал Абуду. Он сцепил пальцы перед подбородком и воззрился на Кеплера. Тот пожал плечами: вреда от разговора не будет. К тому же выбора у него всё равно не было. — У меня есть определённые интересы, — начал Абуду. — Сейчас я бизнесмен, но в Африке война, к сожалению, неотделима от бизнеса. Так вот, я хочу построить систему, в которой люди смогут безопасно жить и работать. Я защищаю их, обеспечиваю управление, а они платят мне за это.

Он замолчал, бросая вызов собеседнику.

— Вы и в самом деле не такой кретин, как остальные полевые командиры, — сухо прокомментировал Кеплер.

— Премного благодарен, — иронично отозвался Абуду. — Тем не менее мне нужна военная мощь для моих целей. — Он улыбнулся — вежливо и безрадостно. — И, как вы метко заметили, это должна быть армия, а не ополчение.

— До этого момента я логику улавливаю, — прервал его Кеплер. — Но я не буду убивать ради вас, — добавил он решительно.

— Не мирных жителей убивать, а сражаться ради них, — терпеливо, но с нажимом уточнил Абуду. — Вы уже делали это раньше, так в чём же разница?

Кеплер задумался, в чём была разница. Тогда он убивал по приказу своей страны. Здесь это был бы приказ одного человека. Там это было ради общего блага. А здесь?

— Вы наверняка догадываетесь, о чём я думаю, — сказал он.

Генерал всё равно опровергнет любое его возражение. Со своей колокольни, но логично и, по крайней мере до определённой степени, объективно и оправданно.

— Конечно, — подтвердил Абуди. — Теперь о другом. — Он сделал паузу. — Вы напали на моего офицера. Другие бы вас прикончили на месте, но он, хоть и садист, и болван, не сделал этого. Он притащил вас сюда, чтобы я вас наказал. А беженцев он отпустил. — Кеплер кивнул. — Это моя политика, и она соблюдается неукоснительно, — продолжал генерал с явным акцентом на последнем слове. — Мистер Кеплер, — Абуди посмотрел ему прямо в глаза, — поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы ведь разочарованы в ООН, не так ли? Вы день за днём выезжаете к людям, снабжаете их, помогаете им, а когда возвращаетесь в следующий раз — всё становится ещё хуже. Верно?

Кеплер снова кивнул — в этом вопросе генерал был абсолютно прав, как субъективно, так и объективно.

— Так вот, — продолжал Абуди, — а вы заметили, что ООН всё меньше и меньше приходится снабжать мою территорию?

Это тоже было правдой. Сам Кеплер в последние месяцы ездил только в противоположном направлении, но коллеги рассказывали, что людям во владениях Абуди живётся лучше, чем где бы то ни было в Судане.

— Мои методы, признаю, кровавы, но они эффективны, — настойчиво произнёс Абуди, подавшись вперёд. — Я предлагаю вам шанс помочь мне принести людям мир и скромное процветание. — Он помолчал. — Люди, которых вы снабжаете, только и делают, что ждут поставок от ООН. Мои же — выращивают свой хлеб сами.

Он вызывающе посмотрел на Кеплера.

— Вы делаете это не за просто так, — сказал Кеплер.

— Конечно нет, — подтвердил Абуди. — Я хочу стать очень богатым. Но я даю людям в этом поучаствовать. Немного, — добавил он честно.

Если слухи о нём правдивы хотя бы наполовину, то он и есть та самая «большая пушка», подумал Кеплер. *И реальная возможность помочь.*

— Я не сражаюсь против простых людей, — угадал его мысли Абуди, — а только против полевых командиров и их ополчений. Простые люди приходят ко мне сами. У меня для них почти не осталось места.

— Вы проводите селекцию?

— Я сказал, что я бизнесмен, — резко ответил Абуди. — А не нацист.

— Чего именно вы от меня хотите? И почему от меня?

— Вы будете сражаться на моей стороне — пока что, — ответил Абуди. — И заодно исподволь обучать моих людей, как делать это правильно. Моё ополчение растёт так же быстро, как и число тех, кто хочет у меня жить, и я не успеваю лично руководить всеми подразделениями, а офицеров у меня слишком мало.

— Но я не офицер, — напомнил Кеплер.

— Зато вы профессионал. Я в этом не сомневаюсь, — парировал Абуди. — Ну так что?

На самом деле Кеплер просто хотел быть солдатом. Потому что он это умел. Всё остальное было лишь временной мерой и оправданием. Почти. Помочь он тоже действительно хотел.

— Я принимаю ваше предложение, — сказал он, сам почти удивляясь этому решению. — Также пока что, — тут же добавил он. — Я реалист, — пояснил он в ответ на многозначительную улыбку Абуди, хотя скорее самому себе. — Если бы этот мир создавал я, он был бы другим. Я знаю, что не могу его изменить, я просто пытаюсь в нём устроиться. — Он сделал паузу. —

Но, генерал. — Он посмотрел Абуду прямо в глаза. — Если вы хоть раз потребуете от меня причинить вред невинному — я вас убью.

Абуду даже не моргнул, глядя на него абсолютно спокойно. Он казался одним из самых умных людей, которых Кеплер когда-либо встречал: он мгновенно понял, что тот говорит именно то, что думает.

— Хорошо, — твёрдо сказал генерал. Этого Кеплеру было достаточно, он кивнул. — Мне нужна безусловная лояльность, — спокойно, но властно потребовал Абуду.

— Она у вас есть, — ответил Кеплер.

Он посмотрел на генерала. Об ограничениях этой лояльности они только что договорились. Абуду кивнул, затем улыбнулся и протянул Кеплеру руку.

— Тогда добро пожаловать.

Кеплер ответил на рукопожатие.

— Каким вы видите моё применение? — поинтересовался он после этого.

— Я припишу вас к роте, которая вас задержала. — Абуду посмотрел на него, ожидая возражений. Кеплер лишь снова кивнул. — Это подразделение — моё лучшее, — продолжал генерал. — Их задачи — разведка, ликвидация диверсантов и подготовка плацдармов.

— Для таких задач отряд слишком велик, — заметил Кеплер.

— Их всего двенадцать, — возразил Абуду. — Сегодня они действовали совместно с другим подразделением.

— Что я должен делать?

— Вы будете поддерживать бойцов, у меня нет снайперов, — пояснил Абуду. — Если я правильно информирован, асимметричная война — одна из специализаций КСК. Так что вы также будете учить людей. — Абуду сделал короткую паузу. — Если я в вас не ошибся, со временем вы возьмёте на себя другую задачу.

Эта задумчивая приписка смутила Кеплера. Генерал на мгновение улыбнулся. Кеплер уточнять не стал.

— Как зовут моего командира? — спросил он вместо этого.

— Соби.

— Как мне к нему обращаться?

— На «вы», «сэр» или «капитан».

— Хорошо. — Кеплер кивнул. — Какое оружие?

— Ваше? СВД.

— Что ж, придётся обходиться ею. — Кеплер разочарованно вздохнул. — Мне нужен пистолет, — потребовал он. — Личный.

Абуду указал на дверь, и они поднялись.

Кеплер пошёл впереди. Выйдя из приёмной в коридор, генерал направил его на нижний этаж к двери в конце левого крыла. Перед ней стоял часовой. Ополченец ошарашенно уставился на Кеплера, отдал честь Абуду и по его знаку распахнул дверь. Кеплер и генерал вошли внутрь. Там стояло несколько стеллажей с разнообразным оружием. За складом присматривал старик. Он был полноват, но, судя по всему, в прошлом — солдат. Абуду о чём-то тихо переговорил с ним. Оружейник положил СВД перед Кеплером на стойку и внимательно, изучающе на него посмотрел. Генерал, видимо, хотел знать, правильное ли он принял решение, и оружейник должен был помочь ему это выяснить. Кеплер внимательно осмотрел винтовку, не прикасаясь к ней.

— У тебя есть ещё? — спросил он. — Оружейник принёс ещё четыре СВД. Кеплер осмотрел их и отложил две. — Где я могу их проверить? — спросил он.

— Прямо во дворе, — ответил Абуду.

— Дай мне два магазина, пожалуйста. Снаряжённых, — потребовал Кеплер. — И пистолет.

— Какой именно? — захотел узнать оружейник.

— Что у тебя есть?

— Кольт, Беретта, Токарев.

— Какие Беретты?

Оружейник посмотрел на Кеплера уже с некоторым интересом.

— Восьмидесятые и девяносто вторые.

— Дай мне несколько девяносто вторых, по одному магазину к каждой.

Оружейник собрал пистолеты. Когда он закончил, Абуди жестом велел ему идти следом. Вероятно, потому что оружейник был вооружён — Абуди явно ещё не доверял Кеплеру до конца. Оружейник заткнул Беретты за пояс и взял две СВД. Они вышли на улицу и зашли за здание штаба, где начиналась открытая площадка. Здесь валялось бесчисленное множество гильз, стоял замасленный стол — это место, очевидно, служило для пристрелки оружия. Кеплер огляделся.

— Те деревья, с мишенями на стволах, — он указал на два баобаба, — до них чуть меньше трёхсот двадцати метров, верно?

— Отсюда — триста двенадцать, — одобрительно отозвался оружейник.

Кеплер требовательно протянул руку, и тот подал ему СВД. Он выставил прицел и выстрелил. После каждого выстрела он отслеживал попадание пули. Сделав пять выстрелов, он взял другую винтовку. Эта была лучше сбалансирована, отклонение от точки прицеливания было минимальным.

— Эту, — решил Кеплер.

— Ты смыслишь в деле, — прокомментировал оружейник.

— Спасибо. Мне нужно ещё десять запасных магазинов.

— Получишь. Штык-нож тоже есть, — сказал оружейник с подковыркой.

— Штык мне не нужен, с ним точность падает, — тут же отказался Кеплер. — Итак, десять магазинов, стандартный комплект принадлежностей и ящик патронов.

— Но таскать это я тебе не помогу, — предупредил оружейник.

— Логично, — ответил Кеплер. — Теперь дай мне Беретту. — Он тут же получил пистолет. Он дребезжал. Кеплер немедленно вернул его обратно. — Другой. Из второго он выстрелил четыре раза, затем сердито посмотрел на оружейника. — У тебя есть хотя бы один нормальный? — осведомился он.

Оружейник с довольно ехидной ухмылкой полез за спину и достал третий пистолет. Пока Кеплер осматривал его, тот подошёл к вертикально вкопанной доске с остатками бумаги и прикрепил к ней мишень. Кеплер подошёл на восемь метров, сосредоточился и пять раз выстрелил. Все пули прошли через одну дыру в десятке, лишь разлохматив её края. Теперь оружейник смотрел на Кеплера с изумлением и глубоким уважением.

— Где ты этому научился? — спросил он.

— В армии, — лаконично ответил Кеплер.

— Ты получишь к нему всё необходимое, — быстро проговорил оружейник, прежде чем он спросил о запасных магазинах.

— И кобуру, — потребовал Кеплер, затем повернулся к молчавшему Абуди. — Я прошёл проверку?

— Да, — ответил генерал. — Он сейчас всё заберёт, подготовь, — приказал он оружейнику. — И обеспечь ему матрас и еду.

— Слушаюсь, сэр, — ответил оружейник, отдал честь и ушёл.

— Мне нужно в Пачуай, забрать свои вещи из грузовика, и я должен предупредить остальных, — попросил Кеплер.

— Я распоряжусь насчёт машины, — предложил Абуди.

— Спасибо. Где казарма?

— Вы определённо слишком светлый — чисто по цвету кожи — чтобы мои люди сразу вас приняли. Вы не сможете жить вместе с ними, — деловито и не без иронии пояснил Абуди, пока они шли обратно к входу в штаб. — На южной окраине деревни есть пустая хижина. Она порядком обветшала, но это лучше, чем ничего. Занимайте её, — распорядился он и на мгновение замолчал. — Когда вы в последний раз стреляли?

— Шесть минут назад.

Генерал хмыкнул.

— А в боевых условиях?

— Одиннадцать месяцев, восемнадцать дней и, — Кеплер взглянул на часы, — примерно пятнадцать часов назад.

Абуди весело кивнул, но тут же снова посерьёзней.

— Даю вам день, чтобы освежить память, — сказал он. — Послезавтра, через час после рассвета, будьте у штаба. Вы отправитесь с группой Соби на разведку.

— Хорошо.

Генерал озадаченно посмотрел на Кеплера.

— Вы разве не хотите узнать, сколько будете у меня зарабатывать? — спросил он в замешательстве.

— Ах да. И сколько я буду у вас получать?

— Пятьсот долларов в неделю. В динарах, разумеется.

— Разумеется. — Кеплер нахмурился. — Это много?

Генерал посмотрел на него с ещё большим удивлением.

— Вы действительно этого не знаете? — спросил он с оттенком лёгкой иронии.

— До сих пор я никогда не был наёмником, — насмешливо ответил Кеплер, глядя ему в глаза. — Я делаю это не из-за денег.

— Это достойная плата, — заметил Абуди. — Для начала.

— Хорошо.

— Вам нужен письменный контракт? — поинтересовался Абуди. — Или достаточно соглашения между людьми чести?

Кеплер скептически посмотрел на него.

— Я не человек чести, генерал.

Абуди не стал это комментировать.

— Ждите здесь, машина сейчас будет, — лишь коротко распорядился он.

— До свидания, — сказал Кеплер и отошёл в сторону.

— Ах да, мистер снайпер... — окликнул его Абуди. Кеплер обернулся. Генерал мимолётным движением провёл большим пальцем левой руки по нижней губе. — С капитаном Соби вы в расчёте, — постановил он.

— Да, сэр, — подтвердил Кеплер.

Он уселся на землю рядом с входом и выудил из кармана пачку сигарет. Пока он курил, он размышлял о том, почему Абуди всё ещё продолжал обращаться к нему на «вы».

Спустя три минуты после того, как Кеплер докурил, у входа затормозил потрёпанный джип. Вышел Соби, бросил на Кеплера неприязненный взгляд и бегом направился в здание. Через четверть часа он вышел и посмотрел на него уже мрачно.

— Садись, — буркнул он. — Несколько сот метров они проехали в молчании, Соби таращился вперёд. — Теперь ты один из нас, — проворчал он наконец.

— В качестве твоего подчинённого, — подчеркнул Кеплер.

— Это не твоя война, — сказал Соби.

— Верно, — согласился Кеплер. — Но и люди, которым я возил еду, тоже не были моими. Десять минут они ехали молча.

— В каком звании ты был в своей армии? — снова проворчал Соби.

— Что-то вроде сержанта.

— А-а... — протянул Соби разочарованно и почти угрюмо.

Кеплер с усмешкой подумал, что суданцу приятнее было бы видеть в нём разжалованного до ефрейтора офицера.

— Имя? — потребовал Соби.

— Джо.

— Здесь командую я, — уточнил Соби.

— Так точно, господин капитан.

Соби немного расслабился, но вид у него всё ещё был хмурый. Больше он не проронил ни слова.

В Пачуае Кеплер почувствовал облегчение, заведя Момо, который нарезал круги вокруг Скании. Судя по всему, уже давно — на земле осталась чёткая тропа. Увидев джип, Момо остановился. Напряжение сменилось улыбкой, когда он узнал Кеплера. На Соби он посмотрел нервно и постарался демонстративно его не замечать.

— Джо! — радостно крикнул он, когда Кеплер вышел. — Мы наконец можем возвращаться?

— Нет, — ответил Кеплер. — Точнее, ты — да. Я не еду.

Момо широко раскрыл глаза.

— Почему?..

Кеплер подошёл к Скании и вытащил из-за сиденья свой рюкзак.

— Теперь этот грузовик твой, — сказал он. — Сообщи об этом администрации.

— Тебя держат в плену? — испуганно прошептал Момо.

— Нет, не беспокойся обо мне. — Кеплер ободряюще улыбнулся. — Я просто больше не хочу работать на Уорлд Вижн. Скажи им, чтобы не поднимали шум. Мои деньги пусть отдадут тебе. И постарайся поскорее поступить в университет.

— Всё правда в порядке? — спросил Момо, когда Кеплер пожал ему руку.

— Да, всё хорошо. — Кеплер улыбнулся. — Спасибо тебе за всё.

Момо смотрел на него в полном замешательстве. Кеплер лишь кивнул и пошёл к джипу. Соби завёл мотор и тронулся, едва Кеплер сел в машину. Момо стоял в облаке поднятой пыли на окраине деревни и грустно смотрел вслед джипу. Затем он развернулся и с понурой головой побрёл к грузовику. Кеплер медленно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Ещё одна глава его жизни завершилась. Открывалась другая.

Часть II

Глава 21

У ополчения Абуду дел, видимо, было невпроворот — или же генерал просто хотел немедленно выяснить, правильно ли он оценил Кеплера. Один день на подготовку — это было немного, и Кеплер хотел использовать это время так, чтобы во время задания не возникло никаких сомнений в его способностях.

Выделенная ему хижина на окраине Верианга стояла последней в ряду, так что у него был всего один сосед — офицер с женой. С другой стороны за полосой кустарника открывалось поле. На следующее утро после пробежки Кеплер не стал тратить время на поиски леса неподалёку. Полтора часа он тренировал кунг-фу прямо на открытом месте. После этого начал стрелять.

Беретта была нужна Кеплеру лишь как вспомогательное оружие. После трёх магазинов он достаточно хорошо изучил особенности своего нового пистолета.

С СВД он не спешил, чтобы привыкнуть к движению затвора. Кроме того, полуавтомат был менее точным, чем доведённая до ума винтовка с продольно-скользящим затвором. Но Снайперская винтовка Драгунова и не задумывалась как снайперская винтовка в строгом смысле слова, а скорее как оружие поддержки для больших дистанций. Она весила меньше пяти килограммов, имела магазин на десять патронов, но не имела сошек. Зато она была несложной, прочной и надёжной. Газовый регулятор можно было настраивать в зависимости от степени загрязнения ствола. Прицел ПСО-1 с четырёхкратным увеличением был сконструирован по европейскому типу, где прицельная сетка находилась в объективе, то есть в первой фокальной плоскости. Благодаря этому прицельные марки увеличивались вместе с изображением цели, что позволяло оценивать расстояние. Сетка ПСО-1 имела для этого даже дополнительные деления. Кроме того, она имела подсветку для стрельбы в темноте и пассивный инфракрасный фильтр.

Один раз Кеплер заметил на себе пренебрежительный взгляд соседа. Четырежды мимо поля проходил патруль охраны. Часовые разглядывали его так же, как и офицер. Кеплер игнорировал это: ему ещё только предстояло завоевать уважение и признание людей Абуду. А пока он вёл себя так, будто для него было делом совершенно обыденным быть белым среди сотен африканцев. Собственно, так оно и было. Только до сих пор — не в качестве наёмника.

Последние лучи дневного света Кеплер использовал, чтобы почистить оба оружия и собрать свой бундесверовский рюкзак. Это заняло двадцать минут. Рюкзак был из очень качественного материала и достаточно вместительным, чтобы в нём можно было разместить предмет длиной более метра. Работая в Уорлд Вижн, Кеплер никогда не использовал его объём полностью: кроме одежды, лопаты, десяти метров верёвки, двух фляг с водой и самодельного запаса сухарей из просяного хлеба, у него ничего не было. Теперь же по многочисленным карманам его одежды были рассованы запасные магазины для Беретты и СВД, остальные он уложил в рюкзак вместе с инструментами и россыпью патронов. Даже после этого он не был набит битком. Кеплер стянул рюкзак куском верёвки, чтобы тот некрасиво не выпирал на спине, и чтобы содержимое не болталось при беге. Чтобы верёвку можно было быстро развязать, Кеплер закрепил её беседочным узлом — самым распространённым морским узлом, который не затягивается под нагрузкой.

Сон был важен, и Кеплер улёгся на свой тонкий матрас ещё до того, как совсем стемнело. Он не нервничал, но был напряжён. Он опозорил Соби перед его людьми, если можно так выразиться, и теперь ему было любопытно, как далеко зайдёт месть капитана.

Глава 22

После утренней пробежки Кеплер чувствовал себя бодрым и полным сил. В назначенное время он встретился у здания штаба с двенадцатью бойцами отряда и Соби. Тот коротко представил его своим подчинённым, подозрительно оглядывая их при этом. Но на их лицах не дрогнул ни один мускул. На Кеплера они посмотрели лишь мельком, без особого интереса, разве что с лёгкой примесью любопытства. Затем Соби повёл всех ко второму каменному зданию.

Это была столовая. Абуди, делец или нет, как кадровый военный прекрасно знал, что моральный дух армии во многом зависит от питания. Ополченцы получили завтрак из разогретого козьего мяса. После этого отряду выдали сухие пайки французской армии. РЦИР соответствовали ЕПА — индивидуальным рационам питания Бундесвера — но были менее калорийными. К тому же они были просрочены. Зато среди пайков западных армий они считались самыми вкусными — по крайней мере, их обменивали в пропорции один к полутора на американские МРЕ. Здесь десяти коробок РЦИР должно было хватить на две недели. Кеплер уложил свои семнадцать килограммов провизии в рюкзак и был готов.

Отряд двинулся в северо-восточном направлении. Кеплер замыкал разомкнутый строй.

Целый день они маршировали за Соби с короткими привалами. Ополченцы вели себя расслабленно и переговаривались — они всё ещё находились на своей территории. Кеплер шагал следом и изучал их. Манера их передвижения казалась небрежной, но движения были рациональными и экономными.

Ночь отряд провёл под огромным баобабом. Кеплеру выпало идти в первый караул. Этот приказ был единственными словами, которые Соби адресовал ему с момента их выступления.

На второй день они достигли джунглей. Здесь было уже не так жарко, как под палящим солнцем безлесой равнины, но гораздо душнее. Они наполнили фляги в речушке, петлявшей среди растительности, и углубились в чащу.

Во второй половине дня разговоры прекратились, ополченцы стали сосредоточенными и осторожными. Перед наступлением темноты они сделали привал в защищённом от посторонних глаз месте. Кеплеру снова досталась первая смена караула.

В эту ночь уже никто не засыпал под разговоры.

Утром они продолжили марш, однако теперь двигались осторожнее и внимательнее, чем накануне. Путь пролегал вдоль границы леса. Кеплер предположил, что это был переход между территорией Абуди и владениями другого полевого командира.

Внезапно Соби остановился, подняв руку. Ополченцы замерли в то же мгновение, а затем тихо подтянулись к капитану.

— Там, — прошептал Соби, указывая вперёд.

Джунгли обрывались в двадцати метрах перед ними. На открытом пространстве за деревьями, примерно в двухстах метрах, Кеплер разглядел несколько фигур. Ещё в двухстах метрах дальше виднелось несколько хижин.

— Что там происходит? — спросил он шёпотом.

Соби продолжал смотреть в бинокль.

— Люди Бази. Это один из варлордов, наш противник. — Он взглянул на своих бойцов. — Атакуем. Разделиться на две группы. Одна слева, другая справа, возьмёте их в клещи. — Он посмотрел на Кеплера. — Ты остаёшься здесь.

Кеплер думал, что Соби пошлёт его вперёд. Но тот либо хотел иметь прикрытие, либо желал доказать Абуди, что не нуждается в помощи немца. В первом случае Соби был умнее, чем казался, во втором — глупее. Кеплер снял СВД с плеча и бесшумно передёрнул затвор.

— Ты останешься с ним, — приказал Соби своему самому молодому подчинённому. Парень скривился и кивнул, пока остальные сбрасывали рюкзаки, делились на группы и готовили оружие. — Я иду справа, — сказал Соби, — Масса командует левым флангом.

Кеплер подождал, пока они уйдут, и пробрался к последнему дереву на опушке джунглей. Там он опустил на одно колено, достал два магазина и положил их рядом с собой. Парень присел рядом, настороженно озираясь и держа свой АК наготове. Кеплер отвязал верёвку на рюкзаке, открыл крышки прицела, прицелился и отсчитал деления шкалы дальности. До ближайшего ополченца, который в оптике теперь казался крупнее, было чуть больше двухсот метров. Кеплер подстроил прицел.

— В кого ты целишься? — напряжённо спросил парень.

Кеплер не ответил, ведя стволом СВД влево. Он увидел группу Массы, подкрадывающуюся к противнику. Ополченцы использовали отдельные кусты как укрытие, но последние сто метров были абсолютно голыми. Кеплер снова посмотрел вправо. Группа Соби ползла, у них прикрытия не было вовсе. Прицел сильно сужал поле зрения, поэтому он опустил винтовку, чтобы оценить ситуацию в целом. Если Масса не дурак, он вяжет противника в бой, чтобы группа Соби смогла подобраться ближе.

Но враги заметили людей Соби первыми, когда те были ещё в ста двадцати метрах. Они закричали и начали палить всюю по Соби и его четверым бойцам. Огонь был неточным — пули шли то выше, то ниже, но через несколько секунд они бы пристрелялись. Соби подумал о том же. Он что-то прокричал. Его люди бросились врассыпную и открыли ответный огонь. Кеплер посмотрел влево и снял СВД с предохранителя. Бойцы Массы теперь бежали к противникам, которые были заняты обстрелом Соби. Один из вражеских ополченцев оглянулся через плечо, меняя магазин. Кеплер выстрелил. Пуля попала врагу в голову, и он рухнул, не успев предупредить товарищей об атаке с тыла.

— Вау, — выдохнул парень.

— Смотри в оба, — процедил Кеплер сквозь зубы.

Его вмешательство дало людям Массы ещё десять метров, которые они смогли преодолеть незамеченными. Затем другой противник увидел их и открыл огонь прежде, чем Кеплер успел среагировать и снять его. Группа Массы повалилась на землю, отстреливаясь. Перестрелка стала совершенно хаотичной. Обе стороны тратили уйму боеприпасов, не нанося врагу урона.

Но даже этот плохо прицельный, но массированный огонь прижал группы Соби и Массы к земле. Постепенно люди Бацы пришли в себя. Спустя минуту их пули начали ложиться всё ближе и к Соби, и к Массе. Те старались как могли держаться в укрытии и даже подстрелили одного врага, но людей Бацы было больше, и они палили без остановки.

Кеплер прицелился и выстрелил. При первом выстреле всё выглядело так, будто врага подстрелил кто-то из людей Соби, поэтому позицию Кеплера не вычислили, и Масса смог продвинуться. Теперь же, когда обнаружили и вторую группу, Кеплеру не было смысла скрывать своё местоположение. После его третьего попадания противник пришёл в замешательство. Они оглядывались, пытаясь понять, откуда летят пули. Из-за этого их огонь по группе Соби ослаб. Его бойцы мгновенно этим воспользовались. Те несколько секунд, что у них появились для прицеливания, они тут же превратили в попадания. Это было как прорыв плотины, огонь противника почти затих, и они начали отступать в деревню.

Кеплер расстрелял магазин до конца, но ему приходилось быстро стрелять по движущимся целям, и пятью выстрелами он убил лишь троих. Он сменил магазин и снова прицелился. За это время люди Соби подошли так близко к бегущим врагам, что обе группы начали стрелять друг в друга почти в упор. Кеплер держал СВД наготове, но боялся зацепить своих. Он плохо знал людей Соби, а их одежда была похожа на одежду противника. Кеплер искал в прицеле самого Соби.

Он увидел, как тот мелькнул в поле зрения. Один ополченец сопровождал его. Кеплер повёл за ними прицел и поймал обоих в перекрестие. Они бежали дальше. Позади них поднялся один из лежавших на земле врагов и наставил АК в спину сопровождающему Соби. Кеплер выстрелил дважды. Ополченец и Соби обернулись. Они увидели падающего противника, затем Соби посмотрел в сторону Кеплера, хотя и не мог его видеть. Он крикнул что-то своему спутнику, и они побежали дальше.

— Пошли, — сказал Кеплер парню.

Он убрал магазины, закинул СВД за спину и выхватил Беретту. С парнем на хвосте он побежал через поле к хижинам. Звуки боя становились всё тише. Люди Соби преследовали бегущего противника и одного за другим методично отстреливали их. Тем временем Кеплер миновал место, где оборонялись люди Бади. Он увидел, как один из врагов шевельнулся, мгновенно вскинул Беретту и нажал на спуск. Ничего не произошло. Кеплер выругался про себя так как в руках у него был не Глок, и снял Беретту с предохранителя. В этот момент затрещал АК парня. Там, где хватило бы одного выстрела, тот выпустил половину магазина.

— Спасибо, — всё же сказал Кеплер.

Когда он и парень добрались до деревни, всё уже закончилось. Соби и его люди стояли посреди улицы. Капитан яростно смотрел вслед внедорожнику, который дико подсакивал, несясь по полю. Ополченец за рулём явно был в панике, машину кидало из стороны в сторону. Кеплер убрал пистолет и подошёл к Соби. Капитан обернулся и посмотрел на него.

— Сможешь его достать? — спросил он требовательно.

Без слов Кеплер привёл СВД в боевую готовность и прицелился. Но джип был уже в полукилометре, торс водителя в прицеле лихорадочно метался туда-сюда.

— Ну? — нетерпеливо спросил Соби. — В чём дело?

Кеплер молча продолжал целиться. Затем он выстрелил дважды подряд. Одна из пуль, а может и обе, попали в цель. Водитель вскинул руки и обмяк в кресле. Машина вильнула вправо и продолжала бесконтрольно ехать, пока не наткнулась на что-то на земле, из-за чего её занесло и, в конце концов, опрокинуло на бок. Кеплер поставил СВД на предохранитель и снова закинул за спину. Тем временем трое людей Соби побежали к джипу, колеса которого вращались в воздухе.

Бой был окончен. Ополченцы Соби собирали боеприпасы противника и приводили их оружие в негодность, вынимая затворы из АК. Четверо обрабатывали свои раны. Удивительно, но в подразделении было зафиксировано всего три касательных и одно сквозное ранение.

Уборку трупов они оставили жителям деревни, которые вернулись спустя несколько часов. Соби поговорил с ними и аннексировал деревню от имени Абуды. Когда всё было закончено, группа двинулась в путь.

Ни Соби, ни кто-либо из его людей не сказали Кеплера ни слова после боя. Но в эту ночь ему не пришлось стоять в карауле.

Глава 23

Люди Соби были хороши — для ополчения. Они были отважны и умели воевать. Но их умения основывались исключительно на опыте. Этого опыта у них было в избытке, но он был слишком однобоким: такая практика не могла подготовить их ко многим превратностям войны так, как это делает настоящая подготовка. В городском бою они бы не сдюжили. Да и их меткость была ужасающей.

Не только по этой причине, но отчасти из-за неё, во время атаки вечером следующего дня им повезло не так сильно, как в первом бою.

Хотя на этот раз деревня не была пуста, а была занята противником, Соби всё равно приказал атаковать. У Кеплера сложилось впечатление, что капитан хотел проявить себя перед собственными людьми и, прежде всего, перед Абуду; он лишь отмахнулся, когда Масса, его командир отделения, упомянул о подкреплении. Вероятно, в надежде смять врага с ходу, Соби отправил людей вперёд.

Он безмерно переоценил свои возможности: как только началась стрельба, Кеплер увидел, что из хижин к полю бежит всё больше и больше врагов, чтобы поддержать атакованных. У Кеплера оставались считанные секунды. Он вскинул СВД и открыл огонь. Меняя третий магазин, он крикнул парню, чтобы тот доставал патроны из рюкзака и снаряжал пустые рожки. Кеплер продолжал стрелять, неистово надеясь, что Соби оценит обстановку и прекратит атаку.

Соби действительно опомнился. Вот только — на несколько мгновений позже, чем следовало бы.

Он скомандовал отход, но его бойцы не отступали, они бежали. Кеплер прикрывал их. Его огонь сдерживал врагов, и бойцы Соби достигли леса. Затем позицию Кеплера засекли. Враги начали палить по нему и снова пошли вперёд. Однако бойцы Соби несли раненого, и Кеплер продолжал их прикрывать, хотя ответный огонь, направленный на него, становился всё более массированным и плотным. Наконец Кеплер услышал, что бойцы Соби миновали его. Вражеские пули со свистом и треском впивались в ветки всё ближе к нему, он уже слышал их шипение. Он всё равно стрелял, пока магазин не опустел, затем схватил рюкзак и бросился бежать, пригнувшись. На бегу он выхватил Беретту и выстрелил примерно туда, где должны были быть преследователи, но это, скорее всего, была просто трата патронов. Затем ветки захлестали его по лицу, и он перестал стрелять. Далеко впереди он увидел спину одного из ополченцев и просто бежал за ним следом. Он смотрел только под ноги, чтобы не споткнуться, и на спину бойца впереди, чтобы не заблудиться.

Ополченцы Соби, может, и не были обучены как следует, но лес они знали превосходно. Это, а также то, что Кеплер долго сдерживал противника, спасло их. Им удалось оторваться.

И им повезло удержать этот отрыв.

Постепенно звуки преследователей за спиной становились всё глуше, и лишь редкие пули залетали в их сторону. Вскоре врагов и вовсе перестали слышать. Соби, тем не менее, гнал отряд всё глубже в джунгли. Когда он окончательно убедился, что погони нет, он велел группе остановиться на поляне.

Они потеряли троих, один был тяжело ранен. Кеплер прикинул, что этот боец не переживёт ночь.

Соби дал всем немного отдышаться, а затем приказал продолжать марш. Через час они вышли к возвышенности. Соби приказал людям занять позиции на этом небольшом холме. Пока двое бойцов занимались раненым, а остальные с осунувшимися лицами обеспечивали охранение, Соби достал из куртки спутниковый телефон и карту.

Что в Африке по-настоящему поражало, так это её контрасты. В некоторых африканских государствах не было даже подобия стационарной телефонной сети, но сети мобильной связи были лучше, чем в индустриальных странах. Там, где как в Судане, это было не так, использовали не только радиосвязь, но и прибегали к услугам спутниковых сетей нескольких провайдеров. Абуди пользовался Иридиумом. Эта сеть покрывала почти всю планету, будучи недоступной лишь в Северной Корее и на Шри-Ланке, а сами телефоны были довольно компактными — размером со старые мобильники. Только антенна была такой же большой, как и сам аппарат.

Соби искал максимально открытый участок неба, выставив вперёд сжатый кулак. Его высота при горизонтально вытянутой руке примерно соответствовала углу в восемь целых две десятых градуса. Если над кулаком ничего не возвышалось, приём был гарантирован. В противном случае связь была с перебоями, но всё же возможна. Холм был слишком низким, некоторые деревья оказались выше кулака, но Соби крутился до тех пор, пока соединение не установилось. Качество, впрочем, видимо оставляло желать лучшего.

— Генерал, я нашёл банду Салиха, — громко сказал Соби в трубку, затем назвал координаты деревни. — Он сделал это, как вы и говорили, — нехотя ответил он после короткого молчания. — Да. Трое. — Он с сомнением посмотрел на раненого. Один из двух ополченцев, находившихся рядом, прислушивался. Он поднял голову и покачал ею. — Четверо, — поправился Соби, затем продолжил слушать. — Слушаюсь, ждём здесь. — Он положил трубку и позвал Кеплера. — Хорошая работа, — пробурчал он угрюмо, глядя куда-то мимо него. — Мне велели дать тебе шанс, потому что мой дядя считал, что мне понадобится кто-то вроде тебя. Он, похоже, был прав. — Взгляд Соби был признательным, но лишь самую малость и крайне неохотно. — Только не вздумай задирать нос, ясно! — тут же предупредил он.

— Да, — отозвался Кеплер. — Абуди твой дядя?

Соби лишь кивнул и позвал своих ополченцев.

— Генерал будет здесь через день, — объявил он. — Ночью мы возвращаемся и занимаем позиции вокруг деревни. С Салихом почти покончено, людей у него больше нет, мы должны уничтожить их окончательно. Следим, чтобы не сбежали. Если попытаются — идём за ними. — Он коротко помолчал. — Но мы только наблюдаем, в бой вступим лишь тогда, когда генерал будет здесь. — Он посмотрел на раненого, затем на одного из бойцов, которые за ним ухаживали. Тот снова покачал головой. Соби кивнул. — Группы по трое, — кратко распорядился он. — Ты идёшь со мной, — приказал он Кеплеру.

После этого он подробно проинструктировал своих бойцов.

С наступлением темноты отряд приготовился к маршу. Сначала им нужно было вернуться к месту, где были спрятаны рюкзаки.

— Мы можем зайти на мою позицию? — попросил Кеплер.

— Зачем? — неприязненно осведомился Соби.

— Я оставил там три магазина, — объяснил Кеплер. — Хотел бы их забрать.

— Как это могло случиться? — тут же с упрёком спросил Соби.

— Я долго прикрывал вас, а потом пришлось бежать.

— И что с того? — злорадно поинтересовался капитан.

— Это была моя вина, сэр, — запинаясь, проговорил парень, который был с Кеплером. — Я их выронил.

— Идиоты, — проворчал Соби.

Кеплер проверил свои запасы боеприпасов. Осталось немного. Масса, наблюдавший за ним, подошёл ближе. После первого боя ополченцы собрали патроны противника. У тех был Пулемёт Калашникова, и ПК стрелял теми же патронами, что и СВД. Масса молча протянул Кеплеру жестяную коробку с двумястами патронов калибра 7,62x54mmR.

— Спасибо, — сказал Кеплер.

Масса коротко кивнул и ушёл с непроницаемым лицом.

После первого боя люди Соби перестали относиться к Кеплеру так отчуждённо, как прежде. Он всё ещё не стал своим, но был теперь частью отряда. Поэтому они делились с ним, пусть и без особой охоты. Сами они эти патроны использовать не могли: АК-47 использовал более короткий патрон 7,62х39мм, а АК-74 — калибр поменьше: 5,45х39мм. Если это не было случайностью, то Кеплеру оставалось лишь гадать, зачем ополченцы вообще взяли эти боеприпасы — именно для него? Он не стал раздумывать над этим дальше. Ему было плевать, в какие игры играют суданцы. Теперь у него было на двести выстрелов больше. Не хватало только магазинов, так как рожки от АК не подходили к СВД. Он уложил патроны в рюкзак и прилёг.

Он не заснул, а просто дремал — это расслабляло и восстанавливало силы. На закате температура воздуха резко упала, стало холодно. Кеплер надел свитер и сел на корточки в ожидании, так же как и ополченцы.

Через час после наступления темноты отряд выдвинулся группами по трое. Кеплер и парень шли с Соби. Точнее, они следовали за ним. Кеплер имел лишь примерное представление о том, где проходил бой, Соби же отлично ориентировался даже в темноте. Через час они достигли места, откуда стрелял Кеплер, и подобрали два магазина. Третий так и не нашёлся. Соби проворчал что-то, затем достал карту и фонарик. Кеплер прикрыл его жилетом, а парень — курткой. Соби ещё раз сверился с маршрутом к холму за другим концом деревни. Он выбрал его в качестве своей позиции. Холм находился довольно далеко, но оттуда просматривалась вся местность, и приём для Иридиума там наверняка был лучше, чем в нижней части долины. Для Кеплера огневая позиция там тоже была удобнее, чем на равнине.

Соби не хотел рисковать быть обнаруженным, поэтому он, Кеплер и парень до самого утра добирались к холму, огибая деревню по широкой дуге ползком.

Поскольку в деревне была дислоцирована крупная часть, Кеплер опасался, что люди Салиха станут прочёсывать местность в их поисках и что холм окажется занят. Ничего из этого не подтвердилось. Вероятно, противник принял их за мародёров, рыщущих в поисках лёгкой наживы и напавших лишь по ошибке. Их отбили, и на этом дело, по их мнению, было закончено. Противник даже не патрулировал окрестности, постов было всего два. Судя по всему, они чувствовали себя в полной безопасности. Или же они были одурманены катом — повседневным африканским наркотиком.

Добравшись до холма, Соби, Кеплер и парень укрылись в кустах на правом склоне. Отсюда деревня была как на ладони, но сами они не бросались в глаза. До тех пор, пока люди Салиха не решили бы навестить на холм.

С рассветом ничего не изменилось. Абуди не появлялся и не выходил на связь. Люди Салиха в деревне предавались безделью. В нескольких местах жарили коз. Судя по всему, люди Салиха заняли деревню совсем недавно и теперь грабили её. Часовых в поле и на другом конце деревни, неподалёку от возвышенности, жареная козлятина интересовала больше, чем окрестности. Солнце поднималось всё выше.

Был уже почти полдень, когда Абуди наконец позвонил по Иридиуму. Ему пришлось изменить план: логистически организовать атаку так быстро не получилось. Генерал перенёс её на следующее утро.

Остаток этого дня и последующую ночь Кеплер, Соби и парень провели почти неподвижно, лёжа ничком на земле. Лишь после наступления темноты Соби разрешил поесть. Как и в прошлую ночь, они дежурили по очереди. Соби снова взял на себя лишь одну смену. Кеплеру было всё равно, но как командир он бы так не поступил. По крайней мере, Соби заботился о своих людях. Но он не мог с ними связаться. Впрочем, те поняли ситуацию и вели себя тихо.

Глава 24

Войска Абуды появились утром следующего дня. Часть сил вышла из джунглей, другая — с противоположного направления. Оба отряда уже были построены и атаковали прямо с ходу.

Как только послышались первые выстрелы, Соби и Кеплер поползли к вершине холма и закрепились там за гребнем. Парня Соби на всякий случай отправил на обратный склон холма для прикрытия тыла. Вскоре Кеплер и Соби увидели около двадцати противников, бегущих к холму. С ними был пулемёт. Это были люди с дальнего поста охраны. Они хотели прикрыть фланг деревни. Соби дослал патрон в патронник своего АК.

— Дай сначала я, — сказал Кеплер. — Пока они ещё далеко.

Соби ненадолго задумался и кивнул. Кеплер прицелился и стал ждать. Он подпустил врагов на шестьсот метров: на больших дистанциях СВД была совсем не точной. Первые пять выстрелов Кеплер произвёл в быстром темпе и снял двоих врагов. Остальные в замешательстве остановились и огляделись, гадая, откуда пришли выстрелы. Оставшимися в магазине патронами Кеплер успел поразить ещё троих, прежде чем противник пришёл в себя. Они повалились на землю за тела своих убитых товарищей.

— Стреляй, — прошипел Соби, когда один из них поднял голову.

Наверняка именно поэтому у Абуды не было снайперов. Африканцы сражались как львы, но с терпением у них было туго.

— Ещё нет, — шёпотом ответил Кеплер, внимательно глядя в прицел.

Соби начал нервно ёрзать, видя, что противники понемногу начинают шевелиться. Наконец, поскольку выстрелов больше не последовало, а в их тылу бой разгорался всё сильнее, люди Салиха решились на бросок. Кеплер водил СВД влево и вправо, постоянно беря на мушку нового врага, чтобы сразу иметь хотя бы примерное представление об их позициях. Он позволил противнику беспрепятственно продвинуться метров на пятьдесят, а затем снова открыл огонь. На этот раз он мог стрелять точнее и сразу уложил одного. Но и реакция врагов была быстрее — они мгновенно ушли в укрытие. И, судя по всему, теперь они заметили дульное пламя СВД, потому что начали разворачивать пулемёт. Кеплер повёл непрерывный огонь, чтобы помешать им, но теперь и сам оказался под обстрелом: остальные противники прижали его к земле огнём из своих автоматов. У него не было времени поднять голову и как следует прицелиться, он мог лишь мешать врагам взять его на прицел. В такой перестрелке он довольно быстро расходовал боеприпасы.

— Снаряды магазины, пожалуйста, — сказал он Соби, доставая предпоследний из кармана брюк. — Патроны в рюкзаке. Поторапливайся.

Капитан хмыкнул и начал копаться в рюкзаке, пока Кеплер продолжал стрелять. Но противники закрепились за земляными насыпями и, несмотря на град пуль, им удалось привести пулемёт в боевую готовность и направить его на цель. На такой дистанции он был куда точнее, чем АК.

— Смена позиции, забирай патроны! — крикнул Кеплер и отполз назад.

Он скатился по обратному склону холма как раз в тот момент, когда первая очередь свистнула над гребнем. Вторая ударила в него, взметнув землю и пыль короткими фонтанчиками. Соби сполз вслед за Кеплером. Через десять метров они изменили направление, поползли двадцать метров влево, а затем снова поднялись к гребню. Там Кеплер снова изготовил СВД к бою.

Под прикрытием пулемёта остальные противники снова пошли в атаку. Кеплер стрелял, пока магазин не опустел. Он добился лишь одного попадания.

— Дай мне полные магазины, и разделимся, — сказал он Соби, так как враги теперь быстро наступали. — Они уже достаточно близко, можешь использовать свой АК. Лучше всего атакуй их с другой стороны холма.

Соби бросил четыре магазина и скатился по обратному склону холма. Кеплер проклял его и потянулся за магазинами. Один он тут же выронил — для его рук их было слишком много. Пригнувшись, он перебежал к кусту в трёх метрах, взял пулемёт в прицел и засыпал двух человек у оружия пулями. Пулемёт смолк. Кеплер сменил магазин и расстрелял его по пулемёту до последнего патрона. Затем с другой стороны холма он услышал треск АК — Соби вступил в бой. Кеплер вставил следующий магазин в СВД и открыл огонь по противникам, бегущим к нему. Краем глаза он уловил движение у пулемёта, повёл туда СВД и выстрелил. Затем он вставил в СВД последний магазин. В то же время он увидел, как несколько врагов разворачиваются в его сторону, и открыл по ним огонь. Стоило одному рухнуть на землю, как остальные тут же залегли и открыли ответный огонь. Кеплер повалился на бок и сполз по пологому склону. В СВД оставалось ещё семь патронов, но теперь длинная винтовка только мешала. Кеплер положил её на землю и выхватил Беретту. Он снял её с предохранителя и, пригнувшись, побежал в обход холма. Он увидел трёх противников, бегущих вдоль гребня холма, опустил на одно колено и открыл по ним частый огонь. Дистанцию в двадцать метров он компенсировал внезапностью и тем, что выпустил все пятнадцать патронов. Затем он взбежал на холм, на ходу меняя магазин. Один из трёх врагов ещё шевелился. Кеплер застрелил его и забрал его АК. С автоматом в правой руке и Береттой в левой Кеплер побежал к Соби. Перевалив через холм, он увидел, что капитан ведёт огонь вслед трём противникам, убегающим в чистое поле. Кеплер заметил, что на подмогу спешат люди Абуды. Он отбросил АК и снова перехватил пистолет правой рукой. Соби перестал стрелять — в его автомате закончились патроны. Он огляделся. Кеплер поднял руку, чтобы тот его заметил. Они посмотрели друг на друга и кивнули.

Люди Абуды подбежали к Соби, и тот начал быстро им что-то говорить, указывая в сторону, куда ушёл враг. Восемь человек бросились в погоню, двое вместе с Соби подошли к Кеплеру.

— Где твоя винтовка? — тут же подозрительно спросил капитан.

— Лежит там, — ответил Кеплер, указывая направление.

Соби вопросительно посмотрел на него. Кеплер показал ему Беретту, прежде чем убрать её в кобуру.

— Забери её, — резко приказал капитан.

— Само собой.

Кеплер ушёл. Он забрал СВД, затем собрал свои пустые магазины. Нашёл и тот, полный. Он подошёл к своему рюкзаку и снарядил пустые. После этого он вскинул рюкзак и СВД на плечо и пошёл к Соби, который вместе с двумя ополченцами стоял у трофейного пулемёта.

— Ты разбил выстрелом затвор, — пожаловался один из них.

— Захотелось так в тот момент, — огрызнулся Кеплер.

Ополченцы остались охранять холм, а Кеплер и Соби отправились в деревню. Недалеко от первых домов Соби велел остановиться и залечь за небольшим кустом. Кеплер взял СВД на изготовку, и они стали ждать.

Спустя несколько минут под их огонь подставилась небольшая группа людей Салиха. Кеплер снял двоих, затем появились ополченцы Абуды, добили остальных и поспешили дальше. Враги бежали из деревни.

Ополченцы Абуды были лучше организован, чем люди Салиха, и после того, как они сломили первое сопротивление, это был уже не бой, а систематическое уничтожение противника.

Час спустя сражение закончилось. Многочисленные дозоры распределились в самой деревне и далеко в её окрестностях.

Кеплер и Соби вошли в деревню. Там они нашли Абуди и нескольких офицеров, которые разговаривали со старым жителем деревни. Соби подошёл к генералу, Кеплер остался позади. Повсюду были ополченцы Абуди, которые несли куда-то своих павших и раненых или гнали перед собой пленных противников.

Кеплер увидел бойцов Соби, сидящих на улице. Он подошёл к ним и присел в нескольких метрах. Они посмотрели на него. Он и они кивнули друг другу, затем стали ждать Соби.

Некоторое время спустя приковылял парень, который был с Кеплером и Соби. У него было пулевое ранение в правую стопу, и он неуверенно улыбался своим товарищам. Они подозрительно осмотрели его рану, переглянулись и продолжили разговаривать друг с другом.

Глава 25

Остаток дня и весь вечер Кеплер напряженно наблюдал за действиями Абуди. Генерал изложил ему свой взгляд на вещи, и Кеплер слышал множество отчётов и слухов о том, как тот осуществляет власть, но теперь он мог воочию убедиться, лгал ли Абуди относительно своей политики.

Однако всё, похоже, подтверждалось.

Тридцать пленных заперли в силосной яме для арахиса. Изгнанные людьми Салиха жители деревни возвращались, и бойцы Абуди их не притесняли, хотя и смотрели на крестьян свысока. Они ели только то, что принесли с собой. Впрочем, для очистки деревни от трупов привлекли гражданских. Для Абуди и его штаба установили палатку, которая наверняка была комфортнее любой хижины. Ополченцам же пришлось самим искать место для ночлега.

Кеплер не ожидал, что действия Абуди окажутся настолько обыденными. И потому в эту ночь он заснул так легко, как не засыпал уже несколько недель.

На следующее утро ополченцы были выстроены в центре деревни в шеренги. Абуди гордо шествовал перед ними и благодарил их от имени жителей деревни за успешную операцию. Из этого Кеплер сделал вывод, что теперь эта деревня тоже принадлежит генералу. Абуди хотел оставить здесь гарнизон, пока окрестные земли не будут полностью завоёваны.

Затем личная гвардия Абуди — пятьдесят массивных ополченцев, сплошь во всём чёрном — привела пленных. Абуди сообщил двадцати семи из них, что они могут избежать смерти, вступив в его ополчение. Трём пленным, стоявшим поодаль в окружении десяти гвардейцев и бывшим, судя по всему, кем-то вроде офицеров, он сухо сообщил, что на них это предложение не распространяется. Этих троих тут же увели десять охранников. Вскоре с окраины деревни донеслись приглушённые звуки выстрелов. Самое позднее теперь и последние пленные решили перейти на сторону генерала. Пока они не докажут свою преданность ему, они будут под присмотром заняты на вспомогательных работах. Пленные согласились — выбора у них всё равно не было. Абуди заверил их, что их родные деревни скоро тоже войдут в его зону влияния. По знаку генерала гвардейцы сняли с пленных путы и поставили их в строй.

Кеплеру представление понравилось. Похоже, это была обычная практика генерала. Его заверения в том, что он не хочет причинять вреда простому народу, по всей видимости, действительно были правдой.

Всё, казалось, было кончено, но лицо Абуди внезапно перестало быть расслабленным. Десять гвардейцев в чёрном вернулись. Двое при этом кого-то волокли. Кеплер с удивлением узнал парня из отряда Соби. Тот дрожал, его глаза были красными, лицо опухло — казалось, он проплакал всю ночь. Абуди яростно посмотрел на него, затем перевёл взгляд на своих ополченцев.

— Бойцы! — крикнул он. — Вы сражались храбро, некоторые из ваших товарищей отдали свои жизни в этом бою. Среди нас есть даже белый, который сражался как достойный мужчина. Но есть у нас и вот этот. — Абуди указал на парня, который теперь висел на руках двух гвардейцев. — Он выстрелил себе в ногу и спрятался под кустом, пока его капитан всего с одним бойцом удерживал холм. — Абуди ненадолго замолчал. Когда он заговорил снова, его голос звучал жёстко. — Это не просто трусость. Это предательство — по отношению ко мне и к вам. Я никогда не потерплю подобного. — Он посмотрел на парня. — Я приговариваю тебя к смерти. Капитан Соби, — приказал он через плечо, — привести приговор в исполнение.

Гвардейцы поставили парня на колени, Соби встал позади него. Парень скулил и так корчился от страха и отчаяния, что его голова почти касалась земли. Соби пришлось подойти к

нему сбоку. Он достал пистолет и выстрелил извивающемуся парню в затылок. Абуди посмотрел на труп, затем на своих ополченцев.

— Я не хочу, чтобы мне ещё хоть раз пришлось делать такое, — сказал он громко и чётко.

Древние римляне, если подразделение проявляло трусость перед врагом, беспощадно казнили каждого десятого по жребию, независимо от того, бежал он или нет. Но в конечном итоге они отказались от децимации. Она могла укрепить боевой дух, но могла вызвать и прямо противоположный эффект.

Вероятно, по этой причине тело парня сразу уволокли прочь, лишь лужа крови напоминала об экзекуции. Абуди распустил ополченцев. Весь день, за исключением караульной службы, у них был на отдых.

Действия Абуди не совсем соответствовали духу времени. Но условия в Африке были совершенно особыми, и генерал хорошо их знал. Из тех обрывков разговоров, что улавливал Кеплер, большинство ополченцев считали суровое наказание правильным.

Днём Соби подошёл к Кеплеру, когда тот сидел в тени хижины, прислонившись к стене, и чистил СВД. За спиной у капитана стоял молодой человек, который походил на казнённого парня.

— Это Коби, — бросил Соби. — Он будет тебе помогать, прикрывать и так далее. Введи его в курс дела.

— Спасибо, сэр. — Кеплер поднялся. Однако Соби резко развернулся и пошёл прочь. Кеплер поспешил за ним. Капитан остановился и недовольно посмотрел на него. — Большое спасибо, — повторил Кеплер, а затем заговорил тише, чтобы Коби его не услышал. — Ты мог бы дать мне кого-нибудь поопытнее? Вдруг этот выкинет то же самое, что и предыдущий.

— Позаботься о том, чтобы не выкинул, — прикрикнул на него Соби.

— В бою я должен прикрывать тебя, — спокойно возразил Кеплер. — У меня не будет времени быть нянькой.

— Коби справится, — проворчал капитан чуть мягче. — Другого не получишь. Мне и так приходится заменять пятерых.

Кеплер молча вернулся назад. Коби робко улыбнулся ему и нерешительно протянул руку.

— Я Джо, — сказал Кеплер, глядя ему в глаза. — Я хоть и белый, но мы всё равно поладим, — заявил он без тени улыбки и крепко сжал его ладонь. — Но если ты сбежишь или что-то в этом роде, я сам пушу тебе пулю в голову. Это ясно?

— Да, сэр, — испуганно пробормотал Коби.

Кеплер отпустил его руку.

— Не нужно меня так называть. Просто делай то, что я тебе говорю.

Глава 26

Хотя у Кеплера сначала и были сомнения насчёт того, становиться наёмником, после первого задания их больше не осталось. Он и не хотел их иметь. Невинные люди не страдали — это было единственным, что имело значение.

Кеплер отправился в Африку не ради какой-то идеи или принципа. Он сделал это из трезвого убеждения, что сможет хоть немного помочь. И теперь он стрелял так же чисто прагматично. Ведь каким бы предосудительным ни было такое же прагматичное стремление Абуды к деньгам и власти, оно обеспечивало простым людям хоть какой-то мир и безопасность, которых им так не хватало. Кеплер видел улучшения в их жизни. Даже если они были небольшими и происходили медленно, движение шло в положительную сторону. И многие, действительно очень многие простые люди хотели принадлежать Абуде. Они охотно отдавали ему половину того, чем владели и что зарабатывали.

Другие варлорды отнимали у людей всё, убивали без разбору и правили с помощью страха и насилия. Кеплер удивлялся, почему они не следуют примеру Абуды в обращении с населением. Но, видимо, эта мысль была для них настолько абсурдной, что они просто не могли её осознать или принять. Они продолжали действовать по-старому.

Эти два факта оправдывали для Кеплера убийство тех, кто был заинтересован лишь в эксплуатации людей и часто убивал их просто ради забавы.

Чем больше времени проходило, тем динамичнее становились действия Абуды. За следующие шесть месяцев он захватил большую территорию, чем за весь предыдущий год. И он неуклонно расширял сферу своего влияния. Чтобы добиться этого, Абуде вёл грамотную партизанскую войну.

Он и его офицеры действительно были кадровыми военными, правда, служили они в суданских ВВС. Но тот, кто дослужился до генеральского звания, даже будучи боевым пилотом, был способен хотя бы теоретически вести наземную войну. Абуде справлялся с этим и на практике: где-то он приобрёл колоссальные навыки в области ведения боёв за захват территорий.

Сначала он изматывал противников мелкими стычками на периферии, вынуждая их рассредотачиваться. После этого он быстрыми и мощными ударами уничтожал отдельные подразделения своих врагов. Эта тактика позволяла Абуде гибко реагировать на постоянно меняющееся соотношение сил. Отряд Соби при этом взял на себя разведку и зондирование. Они рыскали по округе, выслеживая войска враждебных варлордов. Если была перспектива быстрой победы, Соби атаковал. Если вражеские соединения были слишком многочисленны, он вызывал подкрепление и координировал атаку. Иногда Абуде получал от гражданских и осведомителей информацию о местонахождении высокопоставленных врагов. Тогда Кеплер и Соби отправлялись вдвоём, чтобы ликвидировать их из засады. В остальном задача Кеплера заключалась в постоянном обеспечении безопасности отряда. Со временем люди Соби настолько привыкли полагаться на эту защиту, что Кеплер всё чаще сам определял позицию для атаки, выбирая её по собственным критериям.

Из тех бойцов, что взяли Кеплера в плен, в живых остались только пятеро, и Соби. Тот хоть и выбирал на замену убитым всегда только лучших бойцов, но потери начали снижаться лишь с тех пор, как в отряде появился Кеплер; после второго боя погиб всего один человек.

Тем не менее, Кеплера с ополченцами не связывало ничего, кроме принадлежности к одному и тому же отряду. Его признавали, но держали дистанцию. Вероятно, ещё и потому, что Абуде по-прежнему подчёркнуто обращался к нему на «вы». Его уважали, причём всё более безоговорочно, но только как солдата. Ему было всё равно. К этому времени он уже знал,

что люди Соби никогда не бросят его в беде, и сам был так же готов отдать всё ради своих товарищей. Этому ему было достаточно.

Лишь с Коби его отношения были чуть ближе. Но это объяснялось исключительно вынужденным взаимодействием на заданиях, а не человеческой симпатией. Коби был необразован и казался человеком простым и немного заторможенным. Но он не был глуп, а любознателен и внимателен. Когда начальное напряжение между ними исчезло и Коби научился не мешаться Кеплеру в бою, быстро снаряжать и подавать магазины, не теряя их, он стал таким же хорошим бойцом, как и остальные в отряде. Что отличало Коби от них, так это вера. Он часто читал Коран и молился при каждой возможности. И время от времени Кеплер замечал в его взгляде то же лукавство, которая порой проскальзывала у Абуди. Это проявлялось редко и только тогда, когда Коби считал, что имеет преимущество или за ним не наблюдают. К тому же он был родственником генерала по материнской линии.

Соби происходил из семьи отца Абуди. Представители этого клана, судя по всему, были хоть и неглупыми, но грубыми, и отношения с Соби со временем лучше не становились. Капитан уважал Кеплера, однако неохотно и только как снайпера, а не как товарища. Он был впечатлён его способностями и был достаточно умен, чтобы правильно их использовать. Но на личном уровне Кеплер и он не сблизились ни на йоту. Соби постоянно демонстрировал ему, что он — командир. Суданец прекрасно знал, кто из них лучший солдат. Возможно, именно это задевало его больше всего. Казалось, он получал истинное удовольствие, постоянно напоминая Кеплеру при других ополченцах, что он — его начальник. Вероятно, чтобы позлить Кеплера, он сделал Коби радистом. Это подразумевало лишь таскание и обслуживание ручного генератора. Благодаря спутниковой связи радиостанция была излишней, но и Иридиуму требовалось электричество. И телефон Соби часто требовал зарядки именно тогда, когда Коби был нужен Кеплеру.

Кеплер принимал это равнодушно. Его действия приносили результат, и он был убеждён, что это, возможно, и не совсем правильно, но всё же хорошо. Большого он от жизни не требовал, а Соби ему был совершенно безразличен.

Глава 27

Обращение Абуды с гражданским населением принесло Кеплеру несколько полезных знакомств в окрестных деревнях и в Курдуде. Со временем его имущество разрослось: появился каркас кровати для матраса, шкаф для оружия, постельное бельё, полотенца и даже кастрюля.

Поскольку он, судя по всему, собирался задержаться здесь надолго, в перерывах между заданиями Кеплер изо всех сил обустроивал свою хижину. Сначала он подлатал крышу. Затем он захотел иметь отдельный санитарный узел, в который можно было бы попасть прямо изнутри дома. Постепенно он раздобыл деревянные доски, инструменты и выцыганил у оружейника старую британскую армейскую палатку. Прямо за южной внешней стеной хижины он выкопал выгребную яму и сколотил над ней туалет. Рядом с уборной он построил душевую кабину. Хижина была из самана, и Кеплер пробил в южной стене два прохода, ведущих в туалет и в душ. Между ними он натянул палатку, чтобы дождь не попадал через проёмы в хижину, и чтобы изолировать жилое пространство от запахов.

Это было больше комфорта, чем у Кеплера было в Уорлд Вижн, лишь в одном гуманитарная организация выигрывала: там душ исправно работал с помощью ножного насоса. Здесь же Кеплер мылся из двух вёдер, которые с трудом выклянчил, причём одно из них ещё и протекало. Смастерить из этих вёдер что-то, что позволяло бы воде течь иначе, чем скудной, жалкой струйкой, было попросту невозможно.

В кузнице Кеплер раздобыл старые кузнечные меха. Теперь ему была нужна ёмкость, чтобы хранить воду из ближайшего колодца. Но шли недели, а подходящего сосуда всё не попадалось.

Но в какой-то момент мимолётная удача снова улыбнулась ему: вернувшись с очередного задания, Кеплер увидел два грузовика, ехавших с одного из промышленных объектов Абуды и по каким-то причинам сделавших остановку в Верианге. Они были нагружены старым металлоломом, среди которого была и жестяная бочка. Она была помятая и относительно небольшая — вместимостью около сорока литров. Кеплер всё равно спросил у людей у грузовиков, может ли он её забрать. Те кивнули. Кеплер рассыпался в благодарностях. Время стояния на коленях перед вёдрами подошло к концу.

Он притащил бочку домой. Глины, чтобы закрепить её в душе, у него хватало. Он знал кузнеца из соседней деревни, который приварил бы к бочке кран. Верёвка у Кеплера тоже была, чтобы через рычаг открывать кран и наслаждаться льющейся сверху водой. Не хватало только этого крана. Но он знал, где его достать. Оружейник, правда, ворчал целых двадцать минут, и Кеплеру пришлось буквально вымалывать у него кран от старой ручной помпы. В итоге он его получил. Окрылённый, он отправился домой.

Недалеко от штаба он увидел одного из гвардейцев Абуды, который невозмутимо тащил его бочку куда-то в сторону. Кеплер остановил его и потребовал вернуть вещь. Гвардеец был на голову выше его. Он пренебрежительно ухмыльнулся и громко, в резкой форме посоветовал Кеплеру проваливать. Несколько других ополченцев, проходивших мимо, остановились и с любопытством наблюдали за перебранкой.

Кеплеру надоело, что его постоянно задирают. Пусть это всегда были мелочи — место в очереди за едой или что-то подобное. Некоторые ополченцы, видимо, делали это только потому, что он был белым и чужаком. До сих пор Кеплер всегда это терпел, считая, что злиться из-за этого не стоит. Теперь же он подумал, что следовало пресечь это немедленно.

Он известил гвардейца, что если тот сейчас же не отнесёт бочку назад, он сломает ему руку, чтобы тот действительно больше не смог ничего носить. Он предъявил этот ультиматум спокойно, но при этом настолько высокомерно, что гвардеец от ярости едва не задохнулся. Он

поставил бочку и бросился на него. Он был крепок, как баобаб, но недостаточно быстр. Кеплер без труда уклонялся от его ударов. Целую минуту он позволял гвардейцу сотрясать воздух, затем начал наносить быстрые, но не сильные удары и тут же отходить. Вскоре гвардеец, размахивая руками и яростно рыча, бегал за ним по кругу. Ещё через минуту вокруг них собралось ещё больше ополченцев, и толпа продолжала расти. Они весело улюлюкали. Внезапно Кеплер атаковал. Какое-то время он методично изводил гвардейца ударами рук и ног, при этом ни разу не попав по нему по-настоящему. Наконец гвардеец попятился. Кеплер тут же оставил его, повернулся к нему спиной и наклонился за бочкой. Он подождал, пока гвардеец подойдёт ближе, выпрямился и ударил его ногой через плечо прямо в лицо. Сапог попал в подбородок, и челюстная кость сломалась с отчётливо слышным хрустом. Гвардеец охнул и опустился на колени. Кеплер развернулся, перехватил его правую руку и поднял её своей левой. Он сосредоточился и с силой ударил правой ладонью по предплечью. Одна из двух костей сломалась, её острый край разорвал плоть и кожу и вышел наружу. Гвардеец оглушительно завыл. Ещё одним ударом Кеплер отправил его в нокаут. Затем он спокойно и медленно огляделся по сторонам. Под его взглядом ополченцы опускали глаза.

Кеплер подобрал бочку и водопроводный кран и направился напрямик к ополченцам. Те расступились перед ним.

Час спустя пришёл посыльный. Он опасливо передал, что Абуди хочет его видеть. Кеплер отложил палку с привязанной к ней тряпкой, которой он оттирал бочку через наливное отверстие.

На входе в штаб Кеплеру, как всегда, пришлось сдать Беретту. Секретарь Абуди кивнул ему в сторону кабинета генерала, когда он вошёл в приёмную. Абуди ждал в своём кресле за столом. Перед ним на стуле сидел Соби с привычно угрюмым лицом. Кеплер закрыл дверь и остался стоять. Абуди приветствовал его, как обычно, холодно-дружелюбно. Он ответил тем же.

— Садитесь, — пригласил Абуди. — Что это было? — тут же резко спросил он.

— Мне надоело, что меня задирают, сэр, — спокойно ответил Кеплер.

Абуди посмотрел на него с недоверием.

— Мой человек говорит, что вы его спровоцировали.

— Это я украл его бочку, а не он мою? — усмехнулся Кеплер. — Впрочем, я потребовал, чтобы он отнёс её назад, и пригрозил, что в противном случае сломаю ему руку. — Он сделал паузу. — Я держу свои обещания, сэр.

— И урок действительно должен был быть таким жёстким? — беспристрастно спросил Абуди.

— Да, — решительно ответил Кеплер. — С меня хватит.

— Такое случается часто? — теперь голос Абуди звучал провокационно.

— Никогда на задании, — сразу ответил Кеплер. — Ни мистер Соби, ни его люди не ведут себя со мной несправедливо. Это всегда только здесь, сэр.

Абуди взглянул на Соби, затем снова на Кеплера.

— Вам следовало его убить, — сказал он. — Зачем мне калека? — Он замолчал, его взгляд медленно перешёл с Кеплера на Соби. — Такое больше не повторится, — отчётливо произнёс он. Внезапно он расслабился. — Выпьете чего-нибудь? — Соби отказался. Кеплер вслед за ним тоже. — Тогда к делу. — Абуди выпрямился в кресле и посмотрел на Кеплера теперь уже по-деловому, но с вызовом. — Итак, и какое оправдание у вас найдётся для последнего задания? — вновь резко спросил он. — Бащи был у вас прямо перед прицелом.

Кеплер и Соби четыре дня назад отправились вдвоём, чтобы проверить информацию о том, что вражеский варлорд находится поблизости. Сведения подтвердились: с холма Кеплер

и Соби даже наблюдали, как Баци с большой свитой проезжал по дороге. Соби настаивал на выстреле, но Кеплер отказался.

— Никаких оправданий, — спокойно возразил он. — Наша позиция была слишком открытой, чтобы пытаться работать из СВД. Это неподходящее оружие для такой цели, сэр.

— Почему? — осведомился генерал. — В остальное время вы палите как сумасшедший.

— СВД хороша до восьмисот метров в безветренную погоду. Баци был более чем в километре. Я бы расстрелял магазин без гарантии попадания. Более того, смеркалось, а мы лежали на возвышенности — дульное пламя было бы чётко видно. На километры вокруг нас была открытая местность, они бы нас поймали, они были на машинах, а мы — нет, — Кеплер изложил генералу те же доводы, что и Соби тогда. — Я бы выстрелил, будь у меня винтовка с продольно-скользящим затвором на сошках, с приличным прицелом и более мощным патроном, — добавил он. — И глушитель, который гасит вспышку и приглушает звук. Я бы гарантированно попал, и нашу позицию было бы трудно вычислить.

Абуди задумчиво посмотрел на него. Затем перевёл оценивающий взгляд на Соби. Потом снова на Кеплера, теперь уже с интересом.

— Какая винтовка подошла бы для такой задачи? — поинтересовался он.

— Есть много хороших, сэр, — ответил Кеплер. — Лично я бы взял Г22, потому что очень хорошо её знаю. Но для таких дальних выстрелов потребовался бы калибр покрупнее, чем её .300 Винчестер Магнум. — Он недолго раздумывал. — Г22 — это версия английской Арктик Уорфэр. У неё есть вариант Супер Магнум под патрон .338 Лапуа Магнум. Это патрон калибра 8,6х70 мм с усиленным зарядом пороха. АВСМ, то есть Арктик Уорфэр Супер Магнум, была бы идеальна для подобных операций. Для неё есть глушители, а сошки на ней стоят всегда, — продолжал он прощупывать почву. — С такой я бы взял Баци, — Кеплер щёлкнул пальцами, — просто вот так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.